

18+

Жана-Батист Кревье

**История
римских
императоров
от Августа
до Константина**

Том 1. Август

Жан-Батист Кревье

**История римских
императоров от Августа
до Константина. Том 1. Август**

«Издательские решения»

Кревые Ж.

История римских императоров от Августа до Константина. Том 1.
Август / Ж. Кревые — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-658410-5

Книга «Histoire des Empereurs Romains depuis Auguste jusqu'à Constantin» («История римских императоров от Августа до Константина») представляет собой историческое исследование, посвящённое периоду Римской империи от её основания при Октавиане Августе (27 г. до н. э.) до правления Константина Великого (IV век н. э.). Для студентов и любителей античной истории.

ISBN 978-5-00-658410-5

© Кревые Ж.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Книга первая. Август	7
§ I. Октавиан решает узаконить свою власть	7
§ II. Новые почести и привилегии, дарованные сенатом Августу	22
§ III. Август – главный смотритель дорог	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

История римских императоров от Августа до Константина Том 1. Август

Жан-Батист Кревьё

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жан-Батист Кревьё, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-8410-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0065-8411-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Окончив труд, начатый г-ном Ролленом, и доведя Римскую историю до битвы при Акциуме, я не нашел лучшего применения досугу, на который меня обрекает здоровье, ослабленное трудами на общественном поприще преподавания, чем изложить Историю императоров – естественное продолжение моего предыдущего сочинения – в том же духе, образец которого мне завещал мой дорогой и уважаемый наставник. К этому меня влечет склонность; меня поощряют увещания многих почтенных лиц; и я тем охотнее уступаю этому двойному побуждению, что не вижу иного пути, которым мог бы еще приносить пользу обществу.

Если я ошибочно льщу себя надеждой, что мой труд послужит на благо читателей, то виной тому недостаток исполнителя, а не материала, который сам по себе богат поучительными примерами для людей всякого звания и состояния. Таково всеобщее мнение о достоинстве и ценности истории, и Плутарх был столь убежден в этом, что почти считал ее изучение достойнейшим занятием для философского ума. Уверенный в том, что история – превосходнейшая школа для воспитания суждения и нравов, он утверждал, что даже на троне с Константином, вмешиваясь во многие дела империи, мы получаем возможность освятить сей труд – хотя бы временами – добродетелями высшего порядка, способными не только изгладить соблазн порока, но и посрамить все, что есть лишь чисто человеческой добродетелью.

Следуя этому плану и этим взглядам, я намерен описать историю римских императоров от Августа до Константина. Это поприще таково, что я могу с некоторой вероятностью надеяться его пройти. Более долгий и обширный путь устрасил бы меня, и я чистосердечно признаю, что до сих пор мои занятия почти не простирались на все, что относится к поздней империи. Я ограничусь, таким образом, указанными рамками, которые постараюсь обработать со всей тщательностью и усердием, на какие способен; и прошу читателя извинить мне неизбежные погрешности – ради доброго намерения и рвения, с какими я стремлюсь ему служить.

Книга первая. Август

§ I. Октавиан решает узаконить свою власть

Г. ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ ОКТАВИАН. В. СЕКСТ АПУЛЕЙ. 723 г. от основания Рима. 49 г. до Р. Х.

Цезарь Октавиан, благодаря череде несправедливостей, насилия, жестокости и тиранических действий, сумел стать полновластным правителем всей Римской империи. Он начал с того, что уничтожил защитников республиканской свободы: враждебный ему род, соперников и конкурентов в собственном лагере – всё было стерто с лица земли. Не осталось никакой иной власти, кроме той, которой он обладал, никакого оружия, кроме того, что подчинялось его приказам.

Эта вершина могущества досталась ему слишком дорогой ценой, чтобы он не был твердо намерен её удержать. Но единственным его правом была сила, и он прекрасно понимал, насколько ненавистен такой титул сам по себе и как опасны его последствия. Даже проявления мягкости, мудрости и умеренности, которые он старался демонстрировать с тех пор, как жестокость перестала казаться ему необходимой, могли снискать расположение многих граждан, но не исправляли порочности его узурпации. Каким бы привлекательным он ни делал своё правление, это всё равно оставалось несправедливой тиранией, которая грозила восстаниями и заговорами со стороны тех, кто ещё хранил в себе остатки древнеримских идеалов. Люди были убеждены, что отнять у него власть и жизнь – дело похвальное и заслуживающее благодарности республики.

Погруженный в эти размышления, Октавиан задумал узаконить свою изначально незаконную власть с согласия нации и приступил к осуществлению этого замысла с исключительной осмотрительностью, которую нельзя не отметить.

Прежде всего, он счел нужным притвориться, будто отрекается от власти. Без этого его сразу обвинили бы в вероломстве. Поводом для взятия им оружия была месть за смерть дяди и приёмного отца – эта месть была полностью осуществлена. Соперничество с Антонием служило ему оправданием для сохранения армии – но Антония больше не было, а все сроки, установленные для триумvirата, давно истекли. Уже как минимум три года Октавиан осуществлял верховную власть лишь в силу консульских полномочий, в которых он позаботился утвердиться на постоянной основе.

Итак, решив инсценировать отречение, чтобы придать этому шагу видимость искренности, он пожелал обсудить этот деликатный вопрос со своими главными советниками и доверенными лицами – Агриппой и Меценатом. Он созвал их вместе и приказал высказать своё откровенное мнение по столь важному и щекотливому вопросу.

Агриппа, обладавший великодушной и благородной душой, высказался за самый великодушный вариант. Он посоветовал Октавиану вернуть верховную власть сенату и римскому народу, в соответствии с неоднократными обещаниями, и тем доказать честность и чистоту своих намерений. Он утверждал, что это касается даже личной безопасности Октавиана, и в подтверждение привёл противоположные примеры Суллы и Цезаря – пугающее сравнение для любого, кто решил бы удерживать в Риме монархическую власть. Он настаивал на невозможности отступить, если Октавиан раз примет такое решение, и на его слабом здоровье, которое не выдержит тяжкого бремени управления столь обширной империей. Чтобы придать своему совету больше веса, он заметил, что говорит не из личной выгоды, поскольку благодаря милости одного человека достиг высших почестей, тогда как при республиканском строе, будучи человеком незнатного происхождения, рисковал бы быть затмённым множеством знат-

ных особ, чей блеск неизбежно затмил бы его. В заключение он добавил, что, хотя все мотивы склоняют Октавиана к отречению, не стоит спешить с исполнением этого решения; напротив, разумнее дать себе время подготовить почву, укрепив общественный порядок на прочных основаниях.

Мнение Агриппы не понравилось Меценату. Этот министр, чьей отличительной чертой была редкая осмотрительность и чрезвычайно тонкий, проницательный ум, считал – и, возможно, справедливо – что совет отречься больше блестит, чем имеет под собой оснований. Он видел, что империя, охватывающая большую часть известного мира, не может обойтись без единовластия, а опыт почти шестидесяти лет гражданских войн и мятежей убедил его, как и всех наиболее мудрых людей того времени, что безрассудство толпы и распри знати подвергают республику непрерывным бурям, и только монархия может стать для неё гаванью и убежищем. Что касается личной безопасности Октавиана, то не приходилось сомневаться, что после множества врагов, нажитых проскрипциями и войнами, он должен был удержать верховную власть как необходимую защиту и опору. Тем более что в случае восстановления республиканского правления честолюбие, получив больше простора, соединилось бы у многих с жадной мести, и все, кто стремился бы занять оставленное им высокое место, неизбежно видели бы в нём главное препятствие, от которого нужно избавиться.

Уверенный, что понимает истинные намерения того, кто его спрашивает, Меценат не только посоветовал Октавиану сохранить верховную власть, но, предполагая, что так и будет, набросал ему план управления. И здесь Дион вкладывает в уста Мецената столь странную речь, что она выходит за пределы правдоподобия и больше походит на письменный доклад. Более того, во многом можно заподозрить, что этот писатель скорее отражал идеи своего времени, чем точно передавал взгляды министра, от имени которого говорит. Я избавлю читателя от этих рассуждений и ограничусь изложением системы правления, которую ввёл Октавиан, основываясь на фактах.

Вот каковы были мнения Агриппы и Мецената; мнения столь же различные, как и характеры тех, кто их высказывал. Один современный писатель [3] заметил, что каждый из них высказался так, как это было наиболее выгодно для него лично. Агриппа, великий воин, удостоенный консульства и признанный достойным триумфа, занял бы первое место в республике. Меценат, кабинетный человек и литератор, искусный царедворец, мог блистать и быть важной персоной только под сенью принца, который полностью ему доверял. Это наблюдение, несколько злое, не подкреплено никакими древними свидетельствами: и тот, кто его высказал, возможно, не слишком авторитетен; несомненно, писатель весьма остроумный, но смелый в своих критических выпадах, любитель парадоксов и явно склонный хвалить все, что современные ему историки порицали, и порицать все, что они хвалили.

Октавиан уже принял решение до речей своих двух министров. Поэтому противоречивость их мнений не смутила его, и, выразив обоим одинаковую признательность за верность и усердие, которые они вновь доказали, высказавшись с полной свободой, он объявил себя сторонником мнения Мецената, но не отказался от мер предосторожности, которые считал необходимыми, чтобы стереть пятно насилия и узурпации.

Великое имя Вергилия, возможно, обязывает меня отметить здесь, что, согласно автору его жизнеописания, Октавиан пожелал узнать мнение этого знаменитого поэта о предмете, который его колебал, и что он решил сохранить империю по его совету. Я уже отмечал, что у Октавиана никогда не было колебаний по этому поводу. Но, кроме того, мне трудно поверить, что, основываясь на словах малоизвестного и темного писателя, любителя выдумок, можно легко допустить, что поэт, безусловно возвышенный, но совершенно неопытный в государственных делах, был призван на совет самым хитрым из когда-либо существовавших принцев по столь важному вопросу. Как бы ни были благосклонны властители мира к талантам и к тем, кто ими обладает в высшей степени, они не советуются с поэтами о государственных делах.

Октавиан, чьим девизом было «торопись медленно», использовал остаток своего пятого консульства и все шестое, чтобы подготовить умы и упорядочить положение дел в связи с великим замыслом, который он вынашивал. Игры и зрелища разных видов, щедрости и раздачи народу, великолепные здания для украшения города – вот приманки, которые он начал использовать в предыдущие годы и продолжал применять в те, о которых я говорю, чтобы сделать свое правление любимым. Но важнейшим делом, которым он занялся, было возвращение сенату его прежнего блеска путем очищения его от множества недостойных лиц, проникших туда в период смут гражданских войн и позоривших величие этого высокого собрания. Ничто не могло более возвысить его в глазах добропорядочных людей и справедливых судей вещей; и более того, в то время как он формировал достойный совет, способный помочь ему нести бремя правления, он ничем не выдавал своих намерений: могло казаться, что он действует в духе отречения и хочет поставить республику в положение, при котором она сможет обойтись без него.

Сенат действительно нуждался в серьезной реформе. Диктатор Цезарь начал унижать его, допуская в его состав без различия происхождения, состояния и почти отечества людей, чьей единственной заслугой часто было лишь то, что они служили ему в осуществлении его честолюбивых замыслов. При консульстве Марка Антония зло усугубилось. Этот корыстный магистрат продавал место в сенате всякому, кто готов был его купить; и поскольку он утверждал, что действует на основании записок Цезаря, те, кто стал сенаторами этим путем, обязанные своим возвышением мертвецу, насмешливо назывались «харонитами», или сенаторами творения Плутона [4]. Триумвират, уничтоживший все законы и правила, довел беспорядок в этом, как и во всем остальном, до крайности. Число сенаторов возросло до более чем тысячи, и первые граждане республики с трудом узнавали себя среди толпы собратьев, столь их недостойных.

Злоупотребление было очевидным; средство против него было нелегким и даже небезопасным. Предстояло лишить звания более четырехсот сенаторов – ибо Октавиан намеревался, если возможно, сократить их число до прежних шестисот – и это сразу после гражданских войн, то есть в то время, когда умы, привыкшие к интригам, заговорам, насилию и убийствам, легко воспламенялись и были готовы к крайним мерам.

Важность реформы казалась Октавиану столь великой, что он решил пренебречь страхом опасности. Он предпринял составление нового списка сенаторского сословия и осуществил это не под титулом цензора, которого он никогда не принимал – не могу сказать, по какой причине, – но под титулом надзирателя и реформатора нравов и законов, новым титулом, придуманным в пользу диктатора Цезаря. Октавиан привлек к исполнению обязанностей этой должности верного и великодушного Агриппу, который усердно помогал ему в осуществлении совета, которого сам не давал, и который, не сумев убедить его сложить власть, отлично содействовал ему во всем, что считал необходимым для ее сохранения.

Поскольку предстоящая операция должна была быть неприятной для многих, Октавиан постарался смягчить ее горечь всеми возможными мерами снисхождения. Так, он начал с того, что убедил тех сенаторов, которые чувствовали себя в чем-либо недостойными своего звания, добровольно выйти в отставку; и по этому простому предложению пятьдесят человек подали в отставку. Октавиан высоко похвалил их добровольное решение, и этот успех ободрил его убедить или принудить еще сто сорок человек последовать их примеру. Никто не был опозорен. Он даже сохранил за всеми ими некоторые почетные привилегии сенаторского достоинства, с особым отличием для тех, чья скромность не нуждалась ни в каком принуждении.

Не знаю, пошел ли он тогда в реформе дальше указанного. Дион ничего не добавляет, кроме того, что он заставил некоего Кв. Статилия против его воли отказаться от должности народного трибуна. Вполне вероятно, что трудности и боязнь создать слишком много недостойных остановили его в то время, когда ему было так важно шадить людские чувства. Мы

можем судить о том, насколько великой казалась ему опасность, по необычным мерам предосторожности, которые он принял для своей безопасности. Все время, пока он работал над пересмотром сената, он председательствовал в нем только в панцире под тогой, в окружении десяти самых крепких и преданных ему сенаторов; и в тот же период ни один сенатор не допускался к нему на аудиенцию, не будучи предварительно обыскан. Мы увидим, как через двенадцать лет он возобновит свой проект и доведет его до полного осуществления.

Его имя было поставлено во главе списка сенаторов, и он принял титул *princeps senatus* (первого среди сенаторов) – звание, не связанное с конкретными полномочиями, но льстившее ему, поскольку напоминало об образах древней республики, подобие которой Октавиан тем старательнее подчеркивал, чем решительнее разрушал ее суть.

Несмотря на сокращения, проведенные им в сенате, это собрание оставалось более многочисленным, чем он того желал. Однако это не помешало ему ввести в его состав новых членов, выбранных, несомненно, из числа наиболее достойных.

Он даровал звание консуляров (бывших консулов) Гаю Клувию и Гаю Фурию, хотя они никогда не занимали должность консула. Однако они были назначены консулами, но в силу определенных обстоятельств их срок был исполнен другими.

Несколькими годами ранее он создал новые патрицианские семьи, чтобы заменить те, что исчезли в ходе гражданских войн. Возможно, их число все еще казалось ему недостаточным, а возможно, он просто желал умножить награды и почетные звания. В том году он даровал патрициат нескольким плебейам, хотя к тому времени это было уже не более чем пустой титул.

Наконец, он возобновил старые постановления, запрещавшие любому сенатору покидать Италию без особого разрешения. Лишь Сицилия, как ближайшая и спокойная провинция, была исключена из этого закона.

Таковы были меры, которые Дион приписывает концу пятого консульства Октавиана, добавляя к ним несколько других событий, которые нельзя обойти вниманием: восстановление Карфагена (о чем уже упоминалось в истории республики); смерть Антиоха, царя Коммагены, вызванного в Рим и приговоренного к казни за организацию убийства посла, отправленного его братом в сенат для урегулирования их споров; приобретение Октавианом небольшого острова Капри, который позднее прославился благодаря пребыванию там Тиберия.

Консульство было необходимо Октавиану как титул, ставивший его во главе республики. Он сохранял его в течение шести лет подряд. В свое шестое консульство (к описанию которого мы переходим) он взял себе в коллеги Агриппу.

Юлий Цезарь Октавиан (VI), Марк Агриппа (II). Год Рима 724 / 28 г. до н. э.

Никто не следовал так последовательно однажды избранной линии поведения, полезной для своих интересов, как Октавиан. Поскольку его текущей целью было сохранить видимость республиканских форм правления, одновременно укрепляя свою монархическую власть, в шестое консульство он во многом подражал манере консулов древней республики: он разделял фасции с коллегой, а в конце года, покидая должность, принес обычную в таких случаях клятву.

В его тайные планы входило возвышение Агриппы и создание себе опоры в его лице. Тогда он связал его со своей семьей, женив его на своей племяннице Марцелле, сестре юного Марцелла. История не сообщает, был ли Агриппа вдовцом или ради этого брака развелся с Аттикой, от которой у него была дочь, впоследствии вышедшая замуж за Тиберия.

Октавиан почти уравнивал Агриппу с собой. Дион отмечает, что, когда они находились вместе в армии, Октавиан требовал, чтобы у Агриппы была такая же палатка, как у него, и чтобы он, подобно ему, отдавал пароль.

Я уже говорил, что он поделил с ним цензорские полномочия под другим названием. В этом качестве они завершили в тот год перепись населения и провели церемонию закрытия

люстра, прерванную на сорок один год со времен цензорства Геллия и Лентула. Число граждан составило четыре миллиона сто шестьдесят три тысячи.

Разные примеры благоразумия, мудрости и щедрости наполняют год шестого консульства Октавиана.

Он помог своими пожертвованиями нескольким сенаторам, чьи заслуги и знатность происхождения не подкреплялись достаточным для их положения состоянием. Тем самым он сохранил для республики одну из ее магистратур – курульный эдилитет, на который уже редко находились желающие. Ведь, с одной стороны, она требовала больших расходов на игры и зрелища, а с другой – из-за изменений в государстве благосклонность народа, которую завоевывали этими играми, стала бесполезной и даже смешной – напыщенной игрой в громкие слова, совершенно не соответствующей характеру Октавиана, который во всем ценил суть и презирал пустую шумиху.

Ограничимся сутью, которая сводится к одному: чем больше он осознавал подозрительность своего шага, тем сильнее старался доказать его искренность. Он говорил так, как если бы действительно хотел сложить власть: давал сенаторам советы, как разумно использовать верховную власть, которую он им возвращает, и завершил речь пожеланиями и предзнаменованиями их счастливого правления.

Те, кто знал истину, аплодировали. Остальные были в замешательстве. Наиболее пронзительные понимали скрытый смысл, но не решались высказаться. Среди тех, кто воспринял заявление Октавиана буквально, одни радовались, видя себя избавленными от ярма рабства, а другие – те, чье благополучие зависело от имени и дома Цезарей, или даже просто уставшие от смут и междоусобиц, жаждавшие мира и общественного спокойствия, – искренне скорбели, что он хочет отказаться от власти и свергнуть отечество в бедствия, из которых только он и мог его вывести.

При всем разнообразии мнений все единодушно стали умолять его отказаться от пагубного для государства решения. Не потребовалось даже особого давления: вскоре он уступил, но поставил условия, которые, сохраняя видимость скромности, ничуть не вредили его расчетливым честолюбивым замыслам.

Так, объявив, что в уважение к воле сената, столь явно выраженной, он берет на себя общее руководство делами республики, он добавил, что не намерен нести это бремя в одиночку и решил разделить провинции с сенатом и народом так, чтобы одни находились под управлением сената, а другие – под его собственным. В выборе провинций он показал себя готовым взять на себя самые беспокойные, подверженные волнениям, пограничные, открытые для вторжений внешних врагов, оставив сенату те, чье спокойствие позволяло наслаждаться почетом власти без тревог и опасений. Это была искусная речь, чтобы сосредоточить в своих руках все военные силы империи, тогда как сенат, получив лишь разоруженные провинции, оставался без войск и, следовательно, не мог ему угрожать.

Провинции, находившиеся в ведении сената, были: Африка, то есть территория вокруг Карфагена и Утики, Нумидия, собственно Азия, включавшая древнее Пергамское царство, Греция, которую тогда чаще называли Ахайя, Далмация, Македония, Сицилия, остров Крит с Киренаикой, Вифиния, к которой присоединяли Понт, остров Сардиния, а в Испании – Бетика. Октавиан оставил за собой остальную часть Испании, разделённую на две провинции – Тарраконскую и Лузитанию, все Галлии, включая Нарбонскую, Кельтику, которую тогда начали называть Лугдунской, Аквитанию, Бельгику и две Германии – Верхнюю и Нижнюю, то есть прирейнскую полосу по левому берегу этой реки от окрестностей Базеля до её устья. На Востоке Целесирия, Финикия, Киликия, остров Кипр и Египет также вошли в долю Октавиана.

В этом перечне, который приводит Дион, нет упоминания об Италии, потому что она рассматривалась не как провинция, а как царица и госпожа провинций. Она продолжала управ-

ляться так же, как до изменений в республике. Все её жители были римскими гражданами, и каждый народ, каждый город имел своих магистратов, которые в важных случаях обращались в Рим к сенату и римским магистратам или к главе империи.

Следует также отметить, что в упомянутом разделе учитывались только территории, находившиеся под прямым управлением республики. В пределах империи существовали свободные города и народы, а также царства, такие как Иудея под властью Ирода или Мавритания, где правил Юба, женившийся на Клеопатре, дочери Антония. Эти цари и народы не считались подданными, хотя и жили под защитой и в зависимости от Римской империи. Впоследствии все эти земли постепенно были превращены в провинции, что увеличивало долю императоров, а не сената.

Наконец, замечу, что распределение провинций, проведённое Октавианом, не было неизменным. Он сам отобрал Далмацию, где вспыхнула серьёзная война, а взамен отдал сенату Кипр и Нарбонскую Галлию. При его преемниках также происходили различные изменения, о которых мы расскажем в своё время.

Такова была первая оговорка, с помощью которой Октавиан, по крайней мере внешне, ограничил безграничную власть, предоставленную ему сенатом. В том же духе он добавил ещё одно ограничение – по сроку. Он согласился принять верховную власть только на десять лет и с присущей ему искренностью заявил, что если за меньший срок ему удастся привести республику к стабильному и прочному состоянию, он не станет дожидаться истечения этого срока и сложит полномочия. Однако это были лишь слова. По истечении десяти лет он продлевал свою верховную власть то на пять, то на десять лет и сохранял её до конца жизни. Его преемники, получавшие империю без временных ограничений, а пожизненно, тем не менее сохранили след этих десятилетних сроков, отмечая каждые десять лет торжественные празднества, как бы в честь обновления верховной власти в их лице.

Раздел провинций между Октавианом и сенатом был утверждён 13 января, а 17 января Октавиан получил имя Август. Было легко принять новое имя, которое стало бы почётным титулом, не вызывая ненависти или ассоциаций с тиранией. Сначала он думал о имени Ромул, которое, как ему казалось, могло бы внушить уважение к нему как ко второму основателю Рима. Но Ромул был царём, притом деспотичным, навлёкшим на себя месть сенаторов. Октавиан опасался, что это имя вызовет неблагоприятные и даже роковые ассоциации. Он предпочёл имя Август, которое, по смыслу слова, означает лицо или предмет, освящённый религией и как бы близкий к божеству. Планк, несомненно, по согласованию с ним, предложил это имя, и сенат торжественно его утвердил. Это имя перешло к его преемникам, но хотя оно стало общим для всех, кто обладал верховной властью в Римской империи, в истории оно осталось связанным именно с тем, для кого было придумано и кто носил его первым. Под этим именем мы и будем в дальнейшем называть принцепса, которого до сих пор именовали Цезарь Октавиан.

Кажется, что седьмое консульство Августа, а если говорить с полной точностью, 7 января года этого седьмого консульства, следует считать датой изменения формы римского правительства. Во всём, что происходило до этого, можно видеть лишь акты насилия, не отменявшие прав сената и народа, готовых возродиться, как только насилие прекратится. Но по декрету, о котором мы говорим, сенат отказывается от осуществления верховной власти и передаёт её Октавиану. Несмотря на молчание историков, нельзя сомневаться, что этот декрет был утверждён голосованием народа, собравшегося торжественно. Октавиан был слишком внимателен и осторожен, чтобы пренебречь такой важной формальностью. Таким образом, осуществление верховной власти передаётся одному лицу двумя сословиями, которым она принадлежала, и вместо республиканской формы правления устанавливается монархическая.

АВГУСТ – ИМПЕРАТОР

Однако Август не присвоил себе никакого титула, который прямо обозначал бы его как монарха. Он всегда выражал крайнее отвращение не только к имени царя, ненавистного римлянам со времён изгнания Тарквиниев, но даже к имени диктатора, отменённого законом Антония сразу после смерти Цезаря. Он действовал хитро: его искусство заключалось в том, чтобы сосредоточить на своей голове различные титулы, все уже употреблявшиеся, все сами по себе республиканские, и таким образом скрыть новую форму правления под старыми именами.

Первый из этих титулов – Император, от которого произошло слово «император». В республиканские времена этот титул употреблялся в двух значениях: во-первых, просто как обозначение военачальника, а во-вторых, как почётное и славное имя, дававшееся полководцу, одержавшему победу в важном сражении. Август, приняв этот титул, придал ему гораздо более широкий смысл, следуя примеру диктатора Цезаря, которому его также присвоили. Император в этом качестве был верховным главнокомандующим всеми силами империи, а все остальные военачальники были лишь его легатами – несомненно, царская привилегия в виде всеобщего командования. Ни один гражданин во времена республики не обладал таким правом. Тем не менее, пример Помпея позволял Августу утверждать, что он не вводит ничего совершенно нового. Помпей получил для войны с пиратами командование всеми морскими силами империи и всеми морями, а затем, для войны с Митридатом, ему было доверено командование всеми армиями, которые республика содержала в восточных провинциях. Что касается права управлять провинциями и армиями на большом расстоянии, не выходя из своего кабинета, то Помпей уже пользовался этим в отношении Испании: не покидая окрестностей Рима или, по крайней мере, Италии, он управлял этой обширной провинцией и всеми находившимися там легионами в качестве проконсула и главнокомандующего, осуществляя свою власть через легатов Афрания, Петрея и Варрона.

Император обладал абсолютной властью во всём, что касалось военной сферы. Только он один мог объявлять войну и заключать мир, производить наборы людей и взимать налоги. Меч был в его руках, и он использовал эту грозную власть не только над солдатами, но и над всеми гражданами, включая римских всадников и сенаторов. Этот титул, связанный с такими огромными правами, стал рассматриваться как особое и прямое обозначение верховной власти Августа и его преемников. Но поскольку он был чисто военным, он выдавал происхождение этого нового правительства, основанного на силе оружия. Военные это слишком хорошо почувствовали и впоследствии злоупотребляли этим до крайности. Таким образом, как отмечает г-н Боссюэ, если у республики был свой неизбежный недостаток – соперничество между народом и сенатом, то у монархии Цезарей также был свой недостаток, и этим недостатком была своевольность солдат, которые их создали.

Август старался предотвратить эту опасность, демонстративно подчиняя власть оружия власти законов. Ведь получение права командовать армиями от сената явно признавало превосходство гражданской власти над военной. Но реальность прорывалась сквозь эти тонкие покровы, и военные не обманывались на этот счёт.

Он также смягчал устрашающий военный титул императора другими титулами – смешанными или чисто гражданскими.

Он неоднократно занимал должность консула; и, не желая удерживать ее бессрочно, как бы из скромности, и чтобы оставить это высокое место полностью свободным для граждан, имевших право на него претендовать, после своего одиннадцатого консульства он получил проконсульскую власть, но только за пределами Рима и на определенные сроки, поскольку при республиканском правлении звание и полномочия проконсула принимались лишь при выезде из города и терялись при возвращении. Благодаря этой проконсульской власти считалось, что в любой провинции, куда бы он ни направился, он будет обладать верховным командованием над теми, кто ею управлял в тот момент. Та же привилегия ранее была предоставлена на всем Востоке Помпею, затем Бруту и Кассию. Чтобы приобрести в городе такую же власть, какая

была дана ему над провинциями, Август вскоре после этого получил право и полномочия консула, даже не занимая эту должность, и присвоил себе все связанные с ней почести: двенадцать фасций и курульное кресло среди кресел консулов.

В тех же обстоятельствах он получил трибунскую власть, которая ранее неоднократно предлагалась ему, но безрезультатно. Он не был трибуном, ибо этот титул, предназначенный исключительно для плебеев, был ниже его достоинства. Но, благодаря удобной формулировке, уже придуманной для Цезаря, он, оставляя за собой название должности, обладал всей ее властью. Эта трибунская власть была для него чрезвычайно важна. Во-первых, она давала ему право предотвращать любые действия, противоречащие его воле, будь то в сенате или на народных собраниях. Из истории республики видно, как далеко простиралась эта власть трибунов, и можно судить, что в руках императоров она ничуть не ослабла. Более того, в силу этого титула их личность становилась священной и неприкосновенной. Не только покушения на их жизнь, но малейшие оскорбления и даже проявления неуважения считались преступлением против святости. Преемники Августа злоупотребляли этой привилегией, используя ее как повод для пролития множества невинной крови.

Впрочем, хотя трибунская власть предоставлялась императорам бессрочно, они тем не менее возобновляли ее, так сказать, ежегодно, и годы их правления отсчитывались по годам их трибунской власти.

Август и его преемники также присвоили себе цензорскую власть – либо под ее истинным и древним названием (что случалось редко), либо под именем надзора за законами и нравами. В силу этой власти они проводили перепись населения, вносили в списки всадников и сенаторов или исключали из них кого угодно.

Столько титулов, сосредоточенных в одном лице, давали им всю гражданскую и военную власть. К этому они добавили власть религиозную, столь влиятельную на умы народа. Август позволил Лепиду сохранять звание великого понтифика, пока тот был жив, ибо не существовало примера, чтобы кто-либо лишался его иначе, чем со смертью. Но как только оно стало вакантным, он присвоил его себе, и все его преемники владели им после него. Этот высокий титул давал им верховный надзор над всем, что касалось религии. Однако им и этого было мало. Они желали иметь прямой и непосредственный контроль над каждой частью божественного культа и для этого возглавили все жреческие коллегии – авгуров, хранителей Сивиллиных книг и прочие, так что стали единственными вершителями как священного, так и мирского.

Хотя казалось, что столь обширной власти уже ничего не могло недоставать, законы иногда стесняли ее осуществление. Август нашел средство против этого неудобства. Во времена республики существовал обычай испрашивать и получать освобождение от соблюдения законов в определенных особых случаях. Так, второй Сципион Африканский, Помпей и сам Октавиан были назначены консулами до достижения установленного законом возраста благодаря освобождению, дарованному сенатом и народом. Август распространил на все случаи то, что до тех пор применялось лишь к ограниченным нуждам, и добился всеобщего освобождения от соблюдения всех законов. Таким образом, в государстве, которое в основе оставалось республиканским, он обеспечил себе более свободную и независимую власть, чем когда-либо имели даже самые абсолютные монархи.

Что касается титула «отца отечества», который ранее был пожалован Цицерону во время его консульства, а затем диктатору Цезарю, то если Август и принял его, как и почти все его преемники, то не столько для того, чтобы присвоить себе права отцовской власти над гражданами, сколько как имя мягкости и нежности, напоминавшее правителю о защите и любви, которые он должен проявлять к своему народу, а народу – о сыновнем послушании, которым подобало отвечать на заботу и покровительство правителя.

Обремененный столькими титулами, Август осуществлял верховную власть в республике. Император, проконсул, обладающий всеми правами консула, наделенный трибунской

и цензорской властью, свободный от уз законов и, наконец, великий понтифик, он сосредоточил в своем лице все виды власти – военную, гражданскую и священную. Фактически правление изменилось, поскольку никто более не мог осуществлять какую-либо власть в государстве иначе, как в зависимости от одного правителя. Но с точки зрения права можно сказать, что правление осталось тем же, поскольку императоры имели лишь те же магистратуры и те же титулы власти, что были в ходу во времена республиканской свободы. Правда, ранее эти магистратуры были разделены между многими лицами, но, сосредоточившись в одних руках, они не изменили своей природы.

Август принял эту систему из политической осторожности. Его не заподозришь в том, что в столь деликатном и важном вопросе он руководствовался мотивом религиозного уважения к законам. Это был страх перед народной ненавистью, забота о личной безопасности, которые научили его опасаться, как подводных камней, имен царя и даже диктатора. Но в итоге из плана, которому он следовал, вытекало, что ему была передана лишь верховная исполнительная власть, тогда как суверенитет по-прежнему коренился в сенате и народе.

Это ясно видно из фактов. Август получал свои титулы и полномочия от сената и народа. Эти два сословия, следовательно, были источником власти, а то, чем обладал Август, было лишь ее производным.

Сенат настолько сохранял суть суверенитета, что нередко осуществлял его. Ведь он не предоставил Августу все титулы и права, которые я перечислил, сразу. Этот принцепс, уже будучи императором, получил от сената освобождение от всех законов, проконсульскую власть, пожизненные права консула, трибунскую власть, право исправлять старые законы и издавать новые и даже право созывать сенат, когда ему угодно, и вносить в него любые дела, какие он сочтет нужным. Все эти уступки были актами суверенитета, осуществленными по отношению к самому Августу. Я укажу их даты по мере того, как они будут встречаться в дальнейшем изложении истории.

Окончательную ясность в этот вопрос вносит возобновление всех этих полномочий по решению сената – каждые десять лет для Августа и после смерти каждого императора для его преемника. Эти неоднократно повторявшиеся акты служат свидетельством того, что после каждого – действительного или мнимого – истечения полномочий главы империи полное обладание публичной властью возвращалось к сенату как к своему источнику и через него вновь передавалось тому, кто должен был ее осуществлять.

Я счел важным, чтобы читатель составил себе ясное и точное представление о природе правления, установленного Августом, и о различии между властью цезарей и истинной и полной монархией. С помощью этой идеи можно найти ключ ко многим выражениям и действиям, которые могут удивлять нас как в хороших, так и в дурных императорах; и прежде всего можно понять, по какому праву сенат не раз выступал против памяти или даже против личности некоторых из них.

Таким образом, Август осуществлял верховную власть, опираясь на все титулы, которые были сосредоточены в его лице. Военную сферу он оставил полностью под своим исключительным контролем – это была его сила и оплот. В гражданских делах он считал необходимым щадить чувствительность римлян и во многом лстить республиканским идеям, которые ещё жили в умах. Поэтому он сохранил всю внешнюю форму прежнего правления: те же названия магистратур, заседания сената, народные собрания. Конечно, он тщательно следил, чтобы ни сенат в своих решениях, ни народ при назначении на должности, ни магистраты при исполнении своих обязанностей не делали ничего противного его воле и интересам. Именно поэтому я сказал, вслед за Тацитом, «те же названия магистратур» [8], ибо реальной власти в них уже не было. Однако в безразличных для него вопросах он оставлял им свободу; даже в тех, которые его касались, он не пользовался тоном абсолютного властителя: он скорее прибегал к увеще-

ваниям, и то, как все государственные учреждения слушались его приказов, выглядело почти как добровольное уважение.

Внешняя форма правления почти не изменилась. В Риме по-прежнему были консулы, преторы, народные трибуны, эдилы, квесторы, обладавшие теми же почётными правами, носившие те же знаки отличия и исполнявшие почти те же функции, что и во времена Республики, с той лишь разницей, что они отчитывались перед единым правителем, который старался не слишком явно демонстрировать их зависимость.

Число консулов оставалось неизменным – их по-прежнему было не более двух одновременно. Однако со времён триумvirата установился обычай (сохранившийся и при императорах) не оставлять консулов на должности на целый год. В начале каждого года назначалось несколько человек, которые должны были поочерёдно занимать консульство – одни в течение нескольких месяцев, другие ещё меньше.

Что касается преторов, их число и при Республике не было постоянным. В последний период оно остановилось на восьми. Цезарь увеличил его до двенадцати, а затем и до шестнадцати. Август чаще всего ограничивался двенадцатью, хотя иногда их было меньше или больше. При его преемниках в этом вопросе не было строгой определённости. Число двенадцать считалось нормой, но часто от него отступали, обычно в сторону увеличения.

Чтобы смягчить для знати утрату реальной власти в занимаемых должностях и заодно привлечь большее число граждан к участию в государственном управлении [9], Август ввёл новые должности или сделал постоянными некоторые временные поручения. Так, он учредил надзирателей за разными сферами: общественными зданиями, содержанием улиц Рима и порядком в кварталах, акведуками, очисткой русла Тибра, закупкой зерна и его раздачей народу. Похоже, эти должности существовали постоянно. В случаях, когда он считал необходимым провести пересмотр состава сената или всаднического сословия, он назначал трёх комиссаров для каждой из этих задач. Сам он взял на себя ремонт и содержание Фламиниевой дороги, а остальные важные дороги распределил между консуляриями и лицами, удостоенными триумфа, выделив им на расходы средства от продажи трофеев, которые они сами захватили у врагов. Таким образом, Август старался занять знать, подменяя реальную власть, которой он их лишил, видимостью административных полномочий, возвышавших их над остальными гражданами.

Он также учредил пожизненную должность префекта (или градоначальника) Рима. Но это была важная должность, требующая доверия, и Август заботился о том, чтобы она доставалась только надёжным людям. Долгое время её занимал Меценат; затем, то ли из-за утраты его влияния, то ли потому, что эта почти деспотическая власть, свободная от обычных формальностей, казалась слишком высокой для римского всадника, её передали Статилию Тавру, человеку незнатного происхождения, но благодаря своим заслугам и милости принцепса достигшему высокого положения в сенате и империи [10].

Таков был порядок, установленный Августом в отношении магистратур. В отношении сената он придерживался той же системы, сохранив за этим высшим органом Республики весь внешний блеск его прежнего величия: регулярные заседания под председательством консулов, обсуждение государственных дел, приём послов иностранных царей и народов, отсутствие новых установлений или отмены старых без санкции сената. Август испрашивал у сената и получал от него милости для себя, своих детей и близких. Всё церемониальное величие прежнего управления сохранялось – но реальное содержание изменилось.

Поскольку сенат собирался регулярно лишь дважды в месяц, а императору не было выгодно увеличивать число заседаний, он создал тайный совет, состоявший из его коллеги (если он сам был консулом) или обоих консулов (если не был), одного представителя от каждой коллегии магистратов и пятнадцати сенаторов. Срок службы этих советников составлял шесть месяцев, после чего их сменяли другие. Вместе с этим советом он решал дела, требовав-

шие быстроты, и подготавливал те, которые должны были быть вынесены на общее собрание сената. Хотя этот порядок был весьма выгоден для монархической власти, он не был новым: ещё во времена Республики консулы часто совещались со старейшими сенаторами по неотложным вопросам, и даже на Капитолии было специальное место для таких собраний.

Август также сохранил за сенатом право назначать наместников во все провинции. Лишь Египет, по причинам, о которых уже говорилось [11], управлялся римским всадником со скромным титулом префекта. Все остальные провинции – как те, что управлялись от имени сената и народа, так и те, что находились под непосредственным контролем императора, – возглавлялись сенаторами. Однако между наместниками этих двух типов провинций была важная разница: первые обладали большим внешним блеском, но меньшей реальной властью, тогда как вторые, при менее пышном церемониале, имели гораздо больше полномочий.

Прежде всего, все наместники «провинций народа» (как их называли) носили титул проконсулов, хотя только две из них – Азия и Африка – предназначались для консуляриев, а остальные, гораздо более многочисленные, – для бывших преторов. Они имели ликторов в количестве, соответствующем их рангу: двенадцать – для консуляриев, шесть – для бывших преторов. Они облачались в знаки своего достоинства при выезде из города и слагали их лишь по возвращении, согласно древнему обычаю.

Но их власть ограничивалась одним годом. Более того, им не разрешалось сразу после исполнения магистратуры в Риме отправляться в провинцию в качестве проконсула. Август, стремясь не допускать привыкания частных лиц к длительному обладанию властью, возобновил закон, принятый Помпеем во время его третьего консульства, и постановил, что преторы и консулы могут становиться наместниками провинций лишь через пять лет после окончания своих полномочий в Риме.

В своих провинциях они были простыми гражданскими магистратами [12], без какого-либо командования войсками, без каких-либо военных функций. Поэтому они носили только мирную одежду, а не меч и не доспехи. С согласия императора они выбирали себе ассессоров, советников или заместителей – как бы их ни называли; к ним также по жребию приставлялся квестор, что доказывает, что они управляли финансами в пределах своей провинции, так же как и правосудием, но не с такой полной властью, как во времена республики. Император посылал в провинции народа, как и в свои собственные, прокураторов из всаднического сословия, а иногда даже из своих вольноотпущенников; и эти прокураторы, в чьи обязанности входило управление финансами принцепса, несомненно, были надсмотрщиками, которые во многом ограничивали и стесняли власть проконсулов в вопросах сбора и использования государственных средств.

Что касается выбора самих проконсулов, то первоначально он осуществлялся по жребию, согласно древнему обычаю. Но поскольку капризы жребия иногда приводили к тому, что эти должности доставались неспособным людям, император вмешался своим авторитетом. Он выбирал для вакантных провинций равное число подходящих кандидатов, обладавших необходимыми качествами, а жребий решал между ними.

Важные дела провинций народа должны были передаваться в сенат, который, как считалось, давал полномочия их правителям. Это было одним из древних прав, сохраненных сенатом политикой Августа.

Самое существенное различие в полномочиях между наместниками императорских провинций и проконсулами заключалось в том, что первые имели командование войсками, чего не было у вторых. Они были легатами императора, единственного полководца во всей империи. Поскольку император также был единственным проконсулом в своих провинциях, его легаты носили только титул пропреторов, даже если ранее занимали должность консула. Они носили знаки военного командования – меч и доспехи. Если их власть в провинциях была больше, чем у проконсулов, то, с другой стороны, она была более зависима от императора. Их назначение

и отставка не регулировались ничем, кроме его воли. Они начинали носить знаки своего достоинства только в назначенной провинции и снимали их в момент отзыва. Они должны были немедленно покинуть провинцию в качестве частных лиц, и им предписывалось не затягивать срок возвращения, а в течение трех месяцев явиться к императору в Рим, чтобы отчитаться о своем управлении.

Эти легаты, несомненно, в качестве пропреторов, стояли во главе правосудия в своей провинции. Я не могу точно определить, насколько простиралась их власть в вопросах финансов. Они не имели, подобно проконсулам, права собирать государственные налоги. Прокураторы, о которых уже говорилось, обладали в императорских провинциях более широкими полномочиями, чем в провинциях народа, и были ответственны за этот аспект управления. И хотя они стояли ниже легатов по рангу, сомнительно, чтобы они подчинялись их приказам. Императоры охотно возвышали этих подчиненных чиновников, которые никоим образом не могли представлять для них угрозы. Иногда им даже давали власть наместников в небольших областях. Пилат, простой прокуратор, управлял Иудеей, как видно из евангельской истории.

Из всего этого описания формы правления, установленной Августом, следует, что, будучи абсолютной и монархической в военной сфере, она была смешанной в гражданской. Внутри Рима все решалось совместными действиями императора и сената. Провинции были разделены: и хотя тот, кто имеет в руках силу, всегда устанавливает законы, в обычном ходе вещей сенат свободно управлял своими провинциями, как император – своими. Даже государственная казна отличалась от фиска принцепса – различие, не имевшее реального значения, поскольку император распоряжался и тем, и другим, но это был пережиток республиканского устройства и своего рода заявление, что государство не принадлежит принцепсу, который должен рассматриваться лишь как управляющий средствами, собственность на которые сохраняла республика.

Этот дух проявлялся во всем: и хотя военная власть по своей природе подчиняет гражданскую, и хотя само течение времени неизбежно вносило изменения в некоторые частные аспекты, можно утверждать, что в целом система правления сохранялась, по крайней мере в течение многих веков, на тех же основах, что заложил Август; что империя никогда не становилась полностью монархией и всегда сохраняла память о своем республиканском происхождении.

В изложенной мной системе нового управления народу отводилось мало места, потому что права этого сословия, в котором некогда заключался суверенитет, были почти сведены на нет Августом и превращены его преемниками в пустые формальности. Единоличный правитель охотнее делится властью с знатью, чем с толпой, а чудовищные злоупотребления, которые народ допускал, обладая властью, оправдывали ее у него отнятие. Тем не менее Август, всегда стремившийся сохранить хотя бы видимость древних порядков, не пожелал отменять народные собрания: он оставил народу право избирать должностных лиц и участвовать в принятии новых законов посредством голосования – разумеется, при том условии, что он направлял действия этих собраний и приводил их к желаемому результату. Народ не сумел правильно использовать даже этот жалкий остаток власти; и когда Август оказывался в отсутствии во время выборов, почти неизбежно возникали беспорядки, которые могла усмирить только власть принцепса.

Тиберий изменил этот порядок, и уже в первый год своего правления он передал проведение выборов сенату, а народ выразил свое недовольство лишь бесплодными жалобами. Единственным напоминанием о его прежнем праве участвовать в выборах стало то, что его собирали для объявления результатов после того, как сенат их определял. Призрак законодательной власти еще сохранялся за народом в течение нескольких лет: мы знаем несколько законов, принятых при Тиберии [13] консулами по старой форме; есть один, принятый таким же образом при Нероне [14]. Это последние примеры подобного рода. С тех пор вместо законов в праве встречаются только сенатусконсульты. Народ собирался лишь для соблюдения фор-

мальностей, как, например, для принятия закона о предоставлении власти новому императору, утверждения усыновлений или в других подобных случаях. Таким образом, сенат объединил права народа со своими и приобрел привилегию единолично представлять древнюю республику.

Калигула хотел вернуть проведение выборов народу, но это начинание безумного принцепса, как и многие другие его фантазии, не имело последствий.

Таким образом, народ вскоре лишился всякого реального участия в управлении, и эти гордые завоеватели вселенной, эти граждане, которые ставили себя выше величайших царей мира и перед которыми некогда заискивали первые лица государства, чтобы получить командования и должности, отныне ограничили свои амбиции и желания подачками и раздачами хлеба, вина и мяса, которыми императоры облегчали их нищету, и зрелищами, которые забавляли их легкомыслие [15].

Римский народ при новом правлении мог казаться сильно утратившим свою прежнюю славу. Действительно, он лишился осуществления суверенитета, которым все граждане считали себя совместно обладающими, и тех прав этой власти, которыми они сообща пользовались. Однако это преимущество, столь лестное для самолюбия, уже давно стало постоянным источником беспорядков и несчастий для республики в целом и для каждого гражданина в отдельности. Римляне, потеряв бурную свободу, выродившуюся в ужасный произвол, строго говоря, лишились лишь мнимого блага – и были щедро вознаграждены за это прочными и реальными преимуществами, которые обеспечила им монархия.

Гражданские войны, длившиеся двадцать лет, прекратились; внешние войны либо завершились победой, либо были предотвращены мудрым правлением, либо велись без ущерба для внутреннего спокойствия государства. Мир был восстановлен, ярость оружия повсюду усмирена, законы вновь обрели силу, суды – авторитет, поля – возделывание, святыни – уважение и почет, а граждане и подданные империи – покой и свободное, безопасное владение своим имуществом. Древние законы были исправлены, новые – мудро установлены. Таковы были плоды перемен, введенных Августом, и таково общее представление, которое можно заранее составить обо всем, что нам предстоит рассказать о его правлении.

Превосходные поэты его времени, обласканные его милостями и уважением, с удовольствием изображали общественное благоденствие, которым были обязаны ему. И я надеюсь, что читатель с удовольствием ознакомится здесь с прекрасным описанием Горация:

«Под твоей защитой, – говорит этот изящный поэт, обращаясь к императору, – вол спокойно проводит борозду; Церера и счастливое Изобилие обогащают поля; корабли бесстрашно скользят по морям, не опасаясь врагов; верность и честность не запятнаны ни единым пороком. Более не знают тех позорных беспорядков, что бесчестили семьи; законы и нравы сообща укротили столь гнусный порок. Восхваляют матерей, чьи дети похожи на своих мужей. За преступлением неотступно следует наказание, пресекающее его распространение. Кто, пока Август храним небом, станет бояться парфян, скифов или диких сынов суровой Германии? Кого тревожит мятеж упрямой Иберии? Каждый на своем холме спокойно завершает дневной труд, подвязывая лозу к деревьям, поддерживающим ее слабость; затем весело и довольный возвращается к деревенской трапезе, где возливает тебе возлияния, как богу-хранителю».

Не только Рим и Италия вкусили плоды и сладость нового правления. Провинции, прежде угнетаемые жадными преторами, терзаемые множеством мелких тиранов, которых они получали в лице римских должностных лиц, разоренные и истощенные гражданскими войнами, наконец исцелились от стольких бедствий под властью государя, который, утвердив мир, умел также заставить уважать законы и вершить справедливость для всех.

Таким образом, мудрость Августа стала как бы плодоносным источником, от которого счастье разлилось по всем уголкам Вселенной – великое дело, без сомнения, и единственно достойное истинного героя. Он имел обыкновение говорить об Александре, что удивлялся, как

этот завоеватель боялся остаться без дела, когда не останется народов для покорения, – словно управление обширной империей не есть нечто более великое, чем ее завоевание. Он подтвердил эти слова на собственном примере; и никогда не имел занятия более благородного, славного или героического, чем когда у него не осталось войн для ведения и побед для одержания.

Это спокойствие и умиротворение, составившие счастье века Августа, сделали его историю сухой и менее занимательной для нас. Нельзя желать, чтобы время, в которое живут люди, давало писателям обильную жатву событий, способных волновать и трогать читателей. Кроме того, при новом государственном устройстве общественные дела, ставшие совершенно чуждыми подавляющему большинству граждан, обычно оставались им неизвестны; и даже нельзя было узнать о решениях тайного совета, как прежде узнавали о постановлениях сената и народных собраний. Тем не менее, и тогда находились прекрасные умы, упражнявшие перо на этих малоплодотворных временах. Но их труды до нас не дошли. Дион почти один остался нам – писатель, мало способный утешить нас в утрате прочих. Веллей – всего лишь сократитель, к тому же зараженный ядом лести. Светоний писал жизнеописания, а не историю. Он сообщает любопытные, занимательные подробности, позволяющие узнать личность императоров, о которых говорит, но не дает связного повествования о событиях и еще менее раскрывает их скрытые причины.

Чтобы обогатить столь скудную основу, пришлось собирать у поэтов того времени и у позднейших писателей, вовсе не помышлявших о составлении истории Августа, разрозненные и рассеянные крупицы сведений. Это успешно выполнил Фрейнхем; но его труд, подобно эпитамам Тита Ливия, обрывается на смерти Друза. Знаменитый г-н де Тиллемон изложил в таком же духе не только историю Августа, но и его преемников. Его «Мемуары» станут моей главной опорой в предпринятом мною труде. Я тем охотнее последую им как руководству, что их автор соединяет глубокую ученость с духом христианства, относя все к Богу, к Иисусу Христу, к религии – единственной цели, к которой должно стремиться во всех наших делах, какого бы рода они ни были.

Примечания:

[1] Эта мысль была выражена одним из наших самых мудрых поэтов, который вложил её в уста Октавиана:

Сулла до меня владел верховной властью,
Великий Цезарь, мой отец, её также держал.
Но взгляды их были столь различны,
Что один отрёкся, а другой её удержал.
Но первый, жестокий и варвар, умер любимым, в покое,
Как добрый гражданин, в лоне родного города.
Другой же, кротчайший, среди сената
Увидел дни свои прерванными убийством.
(Корнель, трагедия «Синна», акт II, сцена I.)

[2] Юст Липсий так судил об этом: речь Мецената кажется ему творением Диона, который изобразил систему правления, установленную Августом и с изменениями сохранявшуюся при последующих императорах. (Прим. к Тациту, «Анналы», III.)

[3] Аббат де Сен-Реаль.

[4] Орсини.

[5] То, что не упомянуто историками, подтверждается другими памятниками. В праве мы встречаем упоминание о законе царском, которым вся власть сената и народа передавалась императорам. (Препф. I, D. §7, и закон «Quod principi...», I, Dig. de Constit. princ.) У римлян слово «закон» означало постановление народа. До нас дошёл значительный фрагмент акта, которым все полномочия, принадлежавшие Августу, Тиберию и Клавдию, были переданы Веспасиану. Этот акт, повторявшийся при каждой смене императора, назван законом в заклю-

чительной его части, и многие учёные полагают, что это и есть закон царский, упомянутый в праве. Таким образом, несомненно, что народ совместно с сенатом участвовал в передаче верховной власти Августу. А окончательно подтверждает это то, что когда Август за три года до смерти возвёл Тиберия в равную с собой власть, Веллей прямо говорит (II, 121), что это было сделано «по решению сената и римского народа», а Светоний (Тиберий, 21) упоминает закон, изданный по этому поводу консулами.

[6] Так выражается Дион, и на деле кажется, что императоры действовали так, будто освобождение от законов было общим. Однако формулировки сенатского постановления, упомянутого в предыдущем примечании, носят ограниченный и уточнённый характер: Веспасиан освобождается от действия законов и плебисцитов, от которых были освобождены Август, Тиберий и Клавдий.

[7] Сенека, «О милосердии», I, 14.

[8] Тацит, «Анналы», III.

[9] Светоний, «Август», 37.

[10] Я не говорю здесь о Мессале, который носил титул префекта Рима лишь несколько дней.

[11] «История республики», кн. III.

[12] Я следую Диону, однако исторические факты заставляют несколько ограничить его слова. Мы находим примеры проконсулов, командовавших армиями, и Тацит приводит три таких случая подряд в Африке («Анналы», II, 52; III, 21, 32 и 35). Возможно, Дион описывает практику своего времени. Вероятно также, что таков был план Августа, но реализовать его удалось лишь постепенно и со временем.

[13] Закон Юлия Норбана, закон Виселлия.

[14] Закон Петрония.

[15] Ювенал, «Сатиры», X, ст. 78.

[16] «Гражданские войны закончились на двадцатом году, внешние войны прекратились, мир возвращён, везде утих ярость оружия, законам возвращена сила, судам – авторитет... Возродилось земледелие, почитание святынь, безопасность людей, каждому обеспечено владение своим имуществом; законы исправлены с пользой, изданы во благо». Веллей, II, 89. В этом отрывке я опустил то, что продиктовано лестью.

[17] Гораций, «Оды», IV, 5.

[18] Тацит, «История», I, 1.

§ II. Новые почести и привилегии, дарованные сенатом Августу

Я возвращаюсь к повествованию, рассказывая о новых почестях и привилегиях, которые сенат даровал Августу одновременно с вручением ему верховной власти.

Как император, этот государь имел многочисленную охрану под старым названием, принятым для охраны полководцев, – преторианские когорты. Чтобы побудить эти войска с большим усердием и верностью охранять особу принцепса, сенат постановил, что они будут получать двойное жалованье.

Он также постановил, что дверь его дворца всегда будет украшена лавром, увенчанным гражданской короной – неизменным свидетельством общественной признательности победителю врагов государства и спасителю граждан. До нас дошли монеты, отчеканенные при этом принцепсе, с двойным символом лавра и гражданской короны, сопровождаемые надписью, означающей: «за спасение граждан» – *OB CIVES SERVATOS*.

Один из месяцев года уже получил новое название в память о Юлии Цезаре – это месяц июль (*Julius*). Теперь хотели оказать ту же честь Августу и решили назвать его именем месяц сентябрь, в котором он родился. Однако он предпочел предыдущий месяц по причинам, изложенным в сохранившемся у Макробия сенатском постановлении. Вот его суть:

«ТАК КАК В МЕСЯЦЕ, ДО СИХ ПОР НАЗЫВАЕМОМ СЕКСТИЛИЕМ, ИМПЕРАТОР ЦЕЗАРЬ АВГУСТ ВПЕРВЫЕ ВСТУПИЛ В ДОЛЖНОСТЬ КОНСУЛА, ОТПРАЗДНОВАЛ ТРИ ТРИУМФА, ПРИНЯЛ ПРИСЯГУ ЛЕГИОНОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ЯНИКУЛЕ, ПОДЧИНИЛ ЕГИПЕТ ВЛАСТИ РИМСКОГО НАРОДА, ПОЛОЖИЛ КОНЕЦ ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ВОЙНАМ, ТАК ЧТО ВО ВСЕХ ЭТИХ ОТНОШЕНИЯХ ЭТОТ МЕСЯЦ ЯВЛЯЕТСЯ И БЫЛ СЧАСТЛИВЕЙШИМ ДЛЯ НАШЕЙ ИМПЕРИИ, СЕНАТ ПОСТАНОВЛЯЕТ, ЧТОБЫ ОТНЫНЕ ОН НАЗЫВАЛСЯ АВГУСТОМ».

От этого искаженного и измененного названия произошло наше слово август. Сенатское постановление было утверждено народным указом.

Среди этих проявлений почета и уважения, вполне уместных в сложившихся обстоятельствах, народный трибун по имени Секст Пакувий отличился чрезмерной и отвратительной лестью. В полном сенате он заявил, что намерен посвятить себя Августу, следуя обычаю, принятому у испанцев, кельтов и германцев, и призвал других сенаторов последовать его примеру. В другом месте уже говорилось об этом обычае, согласно которому у названных народов множество клиентов связывали свою судьбу с судьбой господина, клятвенно обязуясь следовать за ним в жизни и смерти. Август остановил предложение трибуна. Но тот бросился к собравшемуся народу, произнес речь в том же духе, а затем, ходя по улицам, принуждал прохожих посвящать себя вместе с ним Августу. Он приносил жертвы и устраивал празднества по этому поводу, а однажды заявил на народном собрании, что назначает Августа своим наследником наравне с сыном. У него не было ничего, и его щедрость преследовала цель не дарить, а получать. Его надежды не обманулись: Август вознаградил его лесть, показав тем самым, что она не была ему так неприятна, как он хотел внушить.

Хотя Август получил законное право командовать только в этом году, ему уже давно привыкли повиноваться. Поэтому, не опасаясь беспокойств, обычно сопровождающих новую власть, он без страха покинул Рим и отправился в Галлию, чтобы упорядочить там дела и установить прочную и четкую систему управления. Поскольку гражданские войны последовали сразу за завоеванием этой обширной страны Цезарем, римляне не успели ввести там обычный для провинций порядок, и все находилось в смятении между старой, уже отжившей формой правления и новой, еще не утвердившейся. Август провел перепись имущества и населения по древнеримскому обычаю и на основе составленных списков установил и взимал налоги.

На общем собрании в Нарбоне он объявил законы и постановления, по которым должна была управляться провинция. Он не изменил старого деления Галлии, за исключением Аквитании, которая прежде ограничивалась Пиренеями и Гаронной. Он расширил ее границы до Луары, присоединив четырнадцать народов, отделенных от Кельтики.

Когда Август прибыл в Галлию, там царил мир. Однако незадолго до этого там шла война, поскольку мы видим, что в этом году Мессала отпраздновал триумф. Это было в окрестностях Адур и Пиренеев, где он усмирил несколько народов, еще не привыкших к ярму. Впрочем, у нас нет подробностей о его подвигах, которые, возможно, не были особенно значительными, ведь Август не был строг в предоставлении права на триумф.

Его намерением при поездке в Галлию было отправиться оттуда в Британию. Но поскольку там все успокоилось, он повернул в Испанию и в Таррагоне вступил в должность консула в восьмой раз.

Император Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (VIII) – Тит Статилий Тавр (II). Год Рима 796. До Р. Х. 26.

В Испании Август занимался примерно тем же, чем и в Галлии. Не могу сказать, провел ли он там весь год или после нескольких месяцев вернулся в Рим. В конце этого же года мы снова найдем его в Испании.

Дион здесь рассказывает о падении Корнелия Галла, первого префекта Египта, человека низкого происхождения, возвышенного милостью Августа, известного умом и талантами, но погубленного процветанием, как и многих других. Оказавшись на высоком посту и усмирив несколько восставших городов, в том числе знаменитые Фивы с их сотней ворот, он опьянел от безумной гордыни. Он жестоко отомстил этому древнему и прославленному городу, разграбив или даже полностью разрушив его. Чтобы обессмертить свое имя и славу, он велел высечь свои подвиги на пирамидах и воздвигнуть свои статуи по всему Египту. Наконец, он забыл, чем обязан тому, кто возвысил его из ничтожества, и за столом, разгоряченный вином и яствами, часто давал волю своему языку. Некоторые даже утверждают, что он дошел до заговора против своего благодетеля и государя, но не уточняют, каковы были цели заговора и как далеко зашла интрига. Август сместил его и назначил преемником Петрония.

Когда Галл вернулся в Рим, некий Валерий Ларг, прежде близко с ним друживший, стал его обвинителем. По тем преступлениям, в которых он его обвинил, Август запретил Галлу входить в свой дом и изгнал его из всех своих провинций. Как только он впал в немилость, все друзья отвернулись от него, а обвинители набросились со всех сторон. Сенат рассмотрел дело и, будучи строже императора, приговорил Галла к изгнанию и конфискации имущества. Его гордый дух не вынес позора такого приговора, и он покончил с собой. Август, казалось, был глубоко опечален, и ему приписывают прекрасные слова, если они были искренними: «Я единственный, кому не позволено гневаться на друзей лишь в той мере, в какой я сам того желаю».

Галлу было всего около сорока лет, когда он погиб. Он был поэтом, и его элегии пользовались известностью в древности. Они утрачены уже много веков, и у нас нет особых оснований сожалеть об этом – не только потому, что Квинтилиан находил их стиль жестким, но и из-за их содержания, целиком посвященного любовным и галантным темам. Вергилий был его другом, посвятил ему свою последнюю эклогу и, как говорят, завершил четвертую книгу «Георгик» похвалой Галлу. После его гибели он по приказу Августа заменил этот фрагмент эпизодом об Аристее, что для нас, несомненно, лучше панегирика человеку, более достойному ума, чем сердца.

Сенат постановил вознести богам торжественные благодарения за раскрытие и подавление заговора Галла, как если бы речь шла о враге народа, чьи козны угрожали благополучию государства. Это был пример лести, который впоследствии повторялся и преумножался при следующих императорах.

Но ни сенатский указ, ни покровительство принцепса не избавили доносчика от ненависти честных людей. Его презирали как предателя, изменившего другу; его считали опасным человеком, от которого нельзя было слишком остерегаться. И Прокулей, знатный римский всадник, пользовавшийся большим уважением Августа, встретив Ларга, прикрыл рукой нос и рот, желая дать понять, что в присутствии такого доносчика даже дышать было небезопасно. Это могло бы заставить поверить, что в поведении Галла было больше легкомыслия и безумия, чем преступления. Ведь если бы он действительно замыслил заговор против принцепса, тот, кто раскрыл бы его злые намерения, поступил бы как добрый гражданин, а не как предатель.

Несчастье Галла не стало уроком для Эгнатия Руфа, другого безрассудного и мелкого человека, который, будучи эдилом и хорошо послужив обществу в борьбе с пожарами, вообразил себя первым человеком своего времени и был настолько тщеславен, что по окончании службы вывесил объявление, в котором заявлял и уверял, что город обязан ему своим спасением. Это детское тщеславие заслуживало лишь насмешек, и оно не было наказано иначе. Но вскоре оно привело Эгнатия к дерзким и преступным замыслам, за которые он поплатился головой, как мы расскажем в своём месте.

Агриппа неустанно приумножал свою славу, трудясь для славы Августа; он был совершенным образцом министра, который, давая своему господину наилучшие советы, оставлял ему всю честь; и который в великих предприятиях, предпринимаемых для общественной пользы или украшения города, забывал о себе и стремился обратить взоры граждан лишь на императора.

В этом году он завершил грандиозное сооружение, задуманное ещё Юлием Цезарем, значительно продвинутое Лепидом, но оставшееся незаконченным из-за гражданских войн. Это были так называемые парки – места для собраний триб и центурий. О них уже упоминалось ранее. Каждая триба и каждая центурия входили в эти парки, чтобы подать свой голос в определённом порядке, избегая беспорядка, неизбежного при слишком большом скоплении народа. Изначально они были простыми деревянными постройками без крыши, пока Цезарь, воюя в Галлии, не задумал перестроить их в мраморе, покрыть кровлей и окружить прекрасными просторными портиками. Цицерон, который тогда старался поддерживать дружеские отношения с Цезарем, должен был вместе с Оппием руководить работами. Мы не знаем, насколько далеко продвинулся Цезарь в осуществлении этого плана. Дион приписывает Лепиду возведение основной части здания, но только из камня. Агриппа добавил украшения – мраморную облицовку, изысканные скульптуры и росписи. При торжественном освящении он назвал их Юлиевыми парками – именем, напоминавшим и о Цезаре, авторе проекта, и об Августе, при котором он был доведён до совершенства.

На следующий год Агриппа завершил Пантеон – удивительное здание, сохранившееся до наших дней и считающееся знатоками шедевром и чудом архитектуры. Он дал ему название Пантеон, что означает «храм всех богов» – либо из-за множества изображений божеств, помещённых внутри, либо из-за круглой формы здания, напоминающей небесный свод, который, согласно языческим представлениям, был обителью всех богов. Уже много веков этот храм служит лучшей цели и освящён во имя истинного Бога под покровительством Пресвятой Девы и всех святых; его современное название – Санта-Мария-делла-Ротонда.

Агриппа, следуя своей обычной практике, хотел посвятить это великолепное сооружение Августу и даже намеревался поместить его статую среди изображений богов. Но Август, неспособный завидовать столь верному слуге и твёрдо решивший не допускать своего божественного почитания в городе, воспротивился желанию Агриппы. Внутри храма была помещена статуя обожествлённого Юлия Цезаря, а статуи Августа и самого Агриппы установили в вестибюле. Его имя сохранилось в надписи на фронтоне:

M. AGRIPPA L. F. COS. TERTIUM FECIT

(Марк Агриппа, сын Луция, трижды консул, построил этот храм).

Среди других сооружений, возведённых им, упоминаются общественные бани, украшенные картинами и статуями; храм Нептуна – памятник его морских побед, где была изображена экспедиция аргонавтов. Если добавить к этому множество прекрасных построек, о которых говорилось в Истории Республики во время его эдильства, станет ясно, что ни один частный человек – да и едва ли какой-либо император – не мог сравниться с Агриппой в деле украшения Рима и улучшения жизни его жителей, столицы мира.

Во время своего восьмого консульства Август вновь открыл храм Януса из-за нескольких войн, важнейшей из которых была война с астурами и кантабрами в Испании. Он снова подумывал о походе против бриттов, которые, сначала склонявшиеся к признанию его власти, теперь отказались подчиняться навязываемым условиям. Однако волнения салассов у подножия Альп и испанских народов, о которых я упомянул, показали ему более важными. Против салассов он отправил Теренция Варрона Мурену, а сам взялся за испанскую кампанию, вступив в своё девятое консульство в Таррагоне.

Император Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, IX консул – Марк Юний Силан. 727 год от основания Рима, 25 год до н. э.

Война с салассами не потребовала ни больших усилий, ни долгого времени. Варрон Мурена завершил её за одну кампанию, где после незначительных успехов добился победы скорее вероломством, чем силой. Под предлогом сбора дани, на которую согласились побеждённые, он разместил войска по всей стране, и те захватили несчастных салассов, когда они меньше всего этого ожидали. Сорок четыре тысячи человек были взяты в плен, включая восемь тысяч способных носить оружие. Всех их отправили в Эпоредию [4], римскую колонию, и продали с условием, что их увезут в отдалённые земли и не освободят раньше чем через двадцать лет. Для контроля над регионом там была основана колония. Три тысячи солдат из преторианских когорт поселились на месте лагеря Варрона Мурены. Новый город назвали Августа Претория (ныне Аоста, столица одноимённого герцогства).

Поскольку Варрон Мурена был лишь легатом Августа, честь победы досталась императору. В связи с этой победой и незначительными успехами Марка Виниция против некоторых германских племён, убивших римских купцов, прибывших в их земли для торговли, сенат постановил воздвигнуть на одном из альпийских перевалов триумфальную арку в честь Августа с трофеями. Сооружение было возведено, но лишь несколько лет спустя, как свидетельствует надпись [5], сохранённая Плинием. Говорят, что руины этого памятника до сих пор видны близ Монако, в деревне Торпия – название которой, возможно, искажённое Тропеа (трофеи).

Август столкнулся с большими трудностями в войнах в Испании: он даже действовал весьма неудачно, пока лично командовал войсками. Дело в том, что кантабры – народ ловкий и отважный – постоянно тревожили его внезапными нападениями, то на одну часть его армии, то на другую. Он не мог одержать над ними решительной победы, потому что они не отходили далеко от своих гор, где находили надежное убежище. Когда усталость и досада от неудач, усугубленные недомоганием, свалили его с ног и вынудили отступить в Таррагону, варвары, ободренные отсутствием императора, осмелились вступить в открытый бой с римлянами – и были разбиты.

Для усмирения этих свирепых племен были направлены Антистий, Фумий и сам Агриппа. Они захватили несколько их городов, преследовали их даже в самых неприступных горах. Пока их теснили на суше, римский флот совершал высадки на побережье, причиняя им немалый урон. Наконец, загнанные на гору Медоллий, они оказались окружены укреплениями, не оставлявшими им никакого шанса на побег.

Тогда эти непокорные характеры, видя себя атакованными со всех сторон, предпочли скорее погибнуть, чем сдаться врагу. Большинство из них покончили с собой – мечом, огнем или ядом, который добывали из тиса или травы, похожей на петрушку. Они всегда носили его

при себе как последнее средство против ударов судьбы, ибо он приносил смерть без мучений. Матери душили своих детей, чтобы те не попали в плен. Среди пленников был мальчик, который по приказу отца заколол мечом своих братьев и всех родных. Одна женщина точно так же перерезала горло своим товарищам по плену.

Когда эта гордая нация была наконец сломлена столь тяжкими потерями, Август, желая смягчить их свирепость, приказал им покинуть свои горы, которые лишь питали их воинственный дух. Часть пленников была продана в рабство, с остальных взяли заложников и поселили на равнине.

Астуры сопротивлялись почти с таким же упорством, как кантабры, и легат Августа Каризий с трудом сумел их покорить. После победы в битве и взятия их главного города Ленции он вынудил их сдаться и поступил с ними так же, как с соседями: переселил на равнину, заставив обрабатывать землю и работать в рудниках. Ведь у них были месторождения золота, киновари и других ценных ископаемых, скрытых в недрах земли. Так астуры узнали о богатствах своей страны – но лишь для того, чтобы ими воспользовались чужеземцы.

Это была последняя военная кампания Августа. С тех пор он больше не возглавлял свои армии. Он не был воином по призванию, и если провел молодость в походах, то лишь ради исполнения своих честолюбивых замыслов – чтобы достичь верховной власти, которой в итоге и завладел. Теперь же всю свою славу он видел в мудром управлении огромной империей, во главе которой стоял. Он вовсе не стремился расширять ее границы или умножать свою славу новыми победами – напротив, избегал войн с соседними варварами с той же тщательностью, с какой прежние римские полководцы их искали.

Вместо того чтобы провоцировать конфликты, он часто заставлял варварских князей и послов торжественно клясться в соблюдении мира. Для большей надежности он требовал у них в заложницы девушек, понимая, что судьба сыновей волнует их куда меньше. Правда, ему все же пришлось вести войны, особенно с германцами, но они были для него оборонительными – по крайней мере, вначале – и поручались его легатам.

Он даже пренебрег почетным правом на триумф, который сенат даровал ему за покорение салассов, кантабров и астур. Он был настолько велик, что триумф уже ничего не мог добавить к его славе.

Но его действительно трогала слава того, кто наконец принес мир в Испанию после двухсот лет почти непрерывной войны. В самом деле, со времен вступления Гнея Сципиона в Испанию в первый год Второй Пунической войны эта обширная страна не знала покоя. Она не раз повергала римлян в тревогу: поражением и гибелью обоих Сципионов, войной с Вириатом, с Нуманцией, с Серторием, не говоря уже о двух походах, которые Цезарь был вынужден предпринять – сначала против помпеянских легатов, затем против сыновей Помпея.

Август, любивший мир, был счастлив восстановить его в этой беспокойной провинции и по этому случаю во второй раз закрыл двери храма Януса. С тех пор Испания наслаждалась спокойствием: этот край, прежде бывший ареной кровавых войн, даже не знал более разбоя. Так пишет Веллей. Хотя его слова несколько риторичны, они верны, если не считать одного восстания кантабров, о котором мы расскажем впоследствии.

Август, успешно завершив войну в Испании, распустил солдат, отслуживших свой срок, и в награду основал для них город на реке Гвадиана, назвав его Августа Эмерита (ныне Мериды). Эта колония, украшенная им прекрасными зданиями, великолепным мостом через Гвадиану и двумя акведуками, долгое время была столицей Лузитании. Однако уже несколько веков она утратила былое величие.

Чтобы отпраздновать победу, Август устроил игры в своем лагере, где его юный племянник Марцелл и пасынок Тиберий, оба ещё очень молодые, исполняли обязанности эдилов.

Август спешил выдвинуть Марцелла, видя в нём надежду своего рода и будущую опору своей власти. Не имея сыновей, он готовил его в преемники. Чтобы приблизить его к себе, он

в том же году выдал за него замуж свою единственную дочь Юлию. Он так торопился с этим браком, что, будучи задержан в Испании болезнью (которая мучила его в эти годы), не стал ждать своего возвращения для свадьбы. В его отсутствие церемонию провёл Агриппа, действуя от его имени.

Поручение, данное Агриппе, показывает, что, возвышая племянника, Август не забывал и о друге. Он ещё больше подчеркнул своё уважение к Агриппе, поселив его в своём дворце после того, как дом последнего сгорел.

Таковы главные события девятого консульства Августа. Я опускаю малозначительные детали, но не могу не упомянуть о сыновней почтительности одного трибуна (названного Дионом Кассием Г. Торанием), который, будучи сыном вольноотпущенника, публично усадил своего отца на почётное место рядом с собой. Народ рукоплескал ему, справедливо считая, что благородство души важнее благородства происхождения.

Август в десятый раз стал консулом.

Император Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, X консул – Норбан Флакк. Год Рима 728 / 24 г. до н. э.

В своё десятое консульство Август был освобождён сенатом от соблюдения всех законов. Вот как это было подготовлено и проведено.

Из-за болезни Август не смог вовремя прибыть в Рим для вступления в должность. Приближаясь к городу, он отправил вперёд эдикт, в котором обещал народу по случаю своего возвращения раздать по 400 сестерциев на человека – но лишь с одобрения сената и с запретом обнародовать эдикт до сенатского утверждения. Очевидно, первые выступавшие в сенате действовали по договорённости: они не только одобрили его просьбу, но и полностью освободили его от действия всех законов, чтобы он никогда не был обязан делать то, чего не хочет, или воздерживаться от желаемого.

Привилегии, возвышавшие принцепса над остальными гражданами, распространялись и на его семью. После возвращения Августа в Рим, празднеств и благодарственных молебнов сенат даровал Марцеллу право голоса среди бывших преторов и возможность стать консулом на 10 лет раньше установленного законом возраста.

Тогда ещё никто не предполагал, что Тиберий достигнет того положения, которое он занял впоследствии. Но Август предусмотрительно обеспечил и эту возможность: сенат разрешил Тиберию занять магистратуры на пять лет раньше положенного срока, и он был назначен квестором, тогда как Марцелл получил курульный эдилитет.

По мере роста власти Августа республиканские должности теряли значение, и граждане охладели к ним, видя, что они лишены прежнего блеска и влияния. В тот год не нашлось достаточного числа квесторов для провинций, и сенату пришлось принудительно назначить тех, кто ранее занимал эту должность, но не был отправлен в провинцию. Позже подобные меры потребовались и для заполнения трибуната.

Дион Кассий упоминает здесь экспедицию Элия Галла в Аравию Счастливую. Она примечательна как первая и единственная попытка римлян завоевать этот край. Её неудача отбила у них охоту к повторным походам.

Элий Галл, командовавший экспедицией (хотя и был всего лишь всадником), тщательно подготовился, но его враги – арабы – не требовали таких усилий. Они, как и ныне, были кочевниками, плохо вооружёнными луками, мечами, копьями, пращами и топорами. Их главными слабостями были отсутствие дисциплины и храбрости: в крупном сражении они потеряли 10 000 человек, убив лишь двоих римлян.

Но страна защищала себя сама: жаркий и засушливый климат изнурял римлян тяжёлыми переходами, нехваткой продовольствия, плохой водой и болезнями. Они страдали от цинги и слабости в ногах – незнакомых им недугов, против которых не знали средств. Оливковое

масло, принимаемое с вином или втираемое в больные места, приносило облегчение, но его запасы быстро иссякли, а местные источники отсутствовали.

Арабская коварство, издревле им приписываемое, усугубило бедствия римлян. Галл доверился некоему Силлею, набатейцу, который завёл его флот в опасные воды, утверждая, что сухопутные пути непроходимы, хотя караваны спокойно ходили ими ежедневно. Затем он повёл армию самыми трудными дорогами, растянув поход так, что обратный путь занял у Галла 60 дней вместо шести месяцев, потраченных на продвижение под руководством Силлея.

Наконец, после примерно года тягот и лишений, это несчастное войско, так и не увидев земли, где произрастают благовония (остановившись в двух днях пути от неё), вернулось в Египет, потеряв в боях всего семь человек, но будучи полностью обессиленным голодом и болезнями. Так была наказана алчность римлян, которых молва о богатствах и ароматах Аравии завела в страну, где они нашли ужасную катастрофу вместо сокровищ, которые искали.

Война, которую римляне развязали в Аравии, повлекла за собой конфликт с эфиопами. Ибо Элий Галл, оголив для своей экспедиции Верхний Египет и Фиваиду, дал эфиопам возможность воспользоваться ситуацией: они захватили Сиену, Элефантину и Филы, учинили большие разрушения в стране, уведа с собой богатую добычу, и повсюду низвергли статуи императора. Петроний, префект Египта, счел невозможным оставить это безнаказанным и, быстро собрав десять тысяч воинов, выступил против врагов. Те, насчитывая тридцать тысяч, бежали при первых же слухах о его приближении.

Это было войско, ещё более жалкое, чем арабское. Эфиопы носили большие щиты из невыделанной кожи, а в качестве наступательного оружия лишь немногие имели мечи; большинство же довольствовалось топорами или длинными копьями, вероятно, с железными наконечниками.

Такие воины не могли противостоять римлянам. Тем не менее, они рискнули принять бой, исход которого не вызывал сомнений и в котором эфиопы больше пользовались ногами, чем руками. Петроний, одержав победу, вторгся в их страну и дошёл до Напаты, столицы владений царицы Кандаки – женщины мужественной, хотя и лишённой одного глаза, правившей значительной частью Эфиопии. Она укрылась в соседней крепости, откуда прислала предложения о мире, но Петроний отказался их рассматривать; упорствуя в мести, он взял и разграбил царский город Напату.

Однако он находился уже в девятистах милях от Сиены и узнал, что впереди его ждут лишь пески и безлюдные пустыни. Поэтому он решил отступить, оставив гарнизон из четырёхсот человек с двухлетним запасом провизии в Премнисе – городе на Ниле ниже большого порога.

Кандака предприняла новые усилия, собрав свежие войска, чтобы отбить Премнис. Петроний, со своей стороны, действовал быстро и опередил её. Но в конце концов он понял, что римлянам нечего выиграть в этой войне, и стал более склонен к переговорам с царицей, которая, в свою очередь, осознав, с каким противником имеет дело, настойчиво добивалась мира. Когда Кандаке сказали, что ей следует отправить послов к Цезарю, она спросила, кто такой Цезарь и где он находится. Эфиопским послам дали проводников, и Август принял их благосклонно. Он охотно даровал мир их царице и даже освободил её от дани, наложенной Петронием.

Это посольство застало его на Самосе, куда он прибыл лишь в 730 году от основания Рима. Таким образом, нам следует вернуться к событиям его одиннадцатого консульства, относящимся к 729 году.

Имп. Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, XI – А. Теренций Варрон Мурина, 729 год от основания Рима, 23 г. до н. э.

А после его отречения или смерти – Гн. Кальпурний Пизон.

Теренций Варрон Мурина, первый из двух коллег Августа в одиннадцатое его консульство, – тот самый, кто тремя годами ранее победил салассов. Он пробыл в должности недолго, и вскоре его место стало вакантным – либо из-за отречения, либо, что более вероятно, из-за смерти. Тогда Август взял себе в коллеги Гн. Пизона, который был одним из самых непримиримых и яростных противников могущества Цезарей. Пизон проявил рвение в защите республиканских идеалов во время войны, которую Сципион и Катон возобновили в Африке против Цезаря после битвы при Фарсале. Затем он примкнул к Бруту и Кассию, а когда эти последние защитники римской свободы погибли, получил разрешение вернуться в Рим. Однако, сохраняя свой гордый нрав, он не добивался должностей, и Августу пришлось самому сделать первый шаг, предложив ему консульство.

В этом году Марцелл исполнял обязанности курульного эдила, на который был избран годом ранее. Август не жалел средств на пышность игр, устроенных его зятем и племянником. Жаль только, что он не пощадил приличий, пожелав придать этим играм ещё большую славу, выведя на сцену для танцев римского всадника и знатную матрону.

Он также почтил Марцелла, доставив народу удобство: в сильную летнюю жару вся площадь Форума была укрыта навесом. Подобное прежде делали лишь во время игр или особо торжественных празднеств. Август же обеспечил эту защиту на всё лето для всех, кто по делам приходил на Форум, особенно для тяжущихся. В этом, как замечает Плиний, он не снискал бы одобрения Цензора Катона, который предпочёл бы, чтобы площадь усыпали острыми камнями, дабы отвадить от неё праздных людей.

Давно уже Августа лишь томилась, и он наслаждался лишь кратковременными промежутками здоровья, омрачаемыми частыми рецидивами. В этом году у него случился такой приступ, что он был близок к могиле. Он считал, что не оправится, и, созвав магистратов и виднейших членов сената и всаднического сословия, в их присутствии передал консулу Пизону общий реестр империи, то есть отчет о государственных доходах и расходах, численность сухопутных и морских войск, содержавшихся республикой, а также инструкции относительно всего остального, что касалось управления. Он не назвал преемника, возможно, опасаясь, что его выбор оспорят, и не считая свою власть достаточно укрепившейся, чтобы ее уважали после его смерти. Лишь перстень он вручил Агриппе; и это предпочтение бесконечно оскорбило Марцелла и изумило всех, поскольку до того никто не сомневался, что он прочит своего племянника в преемники.

Искусство или удача врача избавили Августа от смертельной опасности, а империю – от хаоса, в который она, казалось, была готова погрузиться. Поскольку обычные методы лечения не помогали, Антоний Муса рискнул применить холодные ванны, холодные напитки и употребление салата. С помощью этих охлаждающих средств он победил болезнь, до того сопротивлявшуюся всем лекарствам. Не только Август выздоровел, но с тех пор его здоровье стало крепче, чем когда-либо, и вместо привычного состояния, отмеченного частыми опасными недугами, у него остались лишь мелкие недомогания, неизбежные при хрупком сложении. Врач был вознагражден по величине оказанной услуги. Помимо значительных сумм, Август даровал ему право носить золотое кольцо, тем самым выводя его из состояния вольноотпущенника, каковым он был, и возводя в ранг всадника. Он также освободил его от всех налогов; и, что должно было бесконечно польстить человеку, ревностному к славе своего искусства, император распространил эту привилегию на всех представителей той же профессии – нынешних и будущих. Сенат поддержал Августа в этих почестях, оказанных Антонию Мусе, а граждане скинулись, чтобы воздвигнуть ему статую рядом с изображением Эскулапа – памятник, еще более почетный для императора, чем для того, кому он был воздвигнут.

Вскоре после выздоровления Августа последовало удаление Агриппы. Этот великий человек, столько лет привыкший занимать первое место рядом с императором, не мог скрыть своего огорчения из-за возвышения и надежд Марцелла; а тот, племянник Августа, с тру-

дом переносил, что ему бросает вызов Агриппа. Их соперничество, несомненно, проявилось свободнее во время болезни принцепса; и исключительное доверие, оказанное умирающим Августом Агриппе, окончательно довело недовольство Марцелла до предела. Август, вернув здоровье, счел себя обязанным пожертвовать Агриппой. Можно поверить, что он принял это решение не без сожаления: по крайней мере, он попытался замаскировать унижение своего старейшего друга видимостью почестей, назначив его наместником Сирии – одной из богатейших и прекраснейших провинций империи. Агриппа не только не обманулся, но и открыто высказался об этом. Он назвал эту должность почетной ссылкой и, не желая пользоваться маской, которую ему предлагали, чтобы скрыть немилость, демонстративно отправил в Сирию лишь своих легатов, а сам удалился в Митилену, чтобы жить там частной жизнью.

Тот, кто стал причиной его падения, недолго наслаждался удовлетворением от удаления столь грозного соперника. Юный Марцелл, едва достигший двадцати лет, племянник и зять императора, предназначенный ему в преемники, – среди этих блистательных надежд был сражен смертельной болезнью. И тот же метод, который спас Августа, примененный тем же врачом, либо ускорил, либо, по крайней мере, не предотвратил смерть Марцелла.

Его горько оплакивал народ, чье уважение и любовь он заслужил мудростью своего поведения, с одной стороны, и приветливыми, простыми манерами – с другой. Люди даже с удовольствием убеждали себя, что, если он однажды станет господином, то восстановит республиканскую свободу – предмет, который продолжал волновать римлян и долго не исчезал из их сердец и памяти.

Сенека восхваляет этого юного племянника Августа в великолепных выражениях. Он приписывает ему возвышенный и пламенный дух, мощный гений, удивительные для такого возраста и такого высокого положения умеренность и воздержание, терпение в труде, отстраненность от удовольствий и, наконец, таланты, способные выдержать все здание величия, которое его дядя хотел возвести на нем.

Всем известны прекрасные стихи, в которых Вергилий оплакал его смерть. Какое великое и благородное представление дает он об этом юном герое, когда говорит, что судьбы лишь пожелали показать его земле и поспешили отнять, завидуя тем успехам, которых достиг бы римский род, если бы они оставили ему на долгое время дар, который ему преподнесли! Можно было бы заподозрить здесь лесть. Но если взвесить свидетельство Сенеки о Марцелле, то чувствуешь, что, отвлекаясь от поэтического слога, современный поэт не говорит больше, чем философ, писавший в то время, когда у него не было в этом интереса.

Стихи Вергилия, при всей своей величественности, дышат скорбью. И можно без труда поверить рассказу его комментатора, что, когда поэт читал их Августу и Октавии, слезы текли из их глаз, рыдания несколько раз прерывали чтение и едва позволили его закончить.

Неудивительно, что Октавия была глубоко тронута стихами Вергилия и щедро его вознаградила. Она любила своего сына с невыразимой нежностью, и траур по нему длился всю ее жизнь.

Август также остро переживал эту утрату. Он устроил пышные похороны своему племяннику, которые особенно были отмечены народными рыданиями. Сам он произнес надгробную речь. Чтобы увековечить его память, он пожелал, чтобы большой театр, начатый Цезарем и заверченный им, носил имя Марцелла. Он убедил сенат постановить воздвигнуть ему золотую статую с золотым же венком, и магистратам, устраивавшим Римские игры, было приказано ставить эту статую на курульное кресло посередине, дабы Марцелл даже после смерти как бы председательствовал вместе с ними на церемонии игр.

Несмотря на эти свидетельства скорби Августа, некоторые современные авторы высказывали подозрения в его адрес относительно смерти Марцелла. Они ссылаются на Плиния и Тацита, толкуя их слова шире, чем те того заслуживают. Плиний говорит, что желания Марцелла (видимо, касавшиеся восстановления старой республиканской формы правления)

вызвали недовольство его дяди. Тацит, описывая тревогу народа по поводу Германика, вкладывает в уста граждан воспоминания о печальных примерах Марцелла и Друза, обоих всеми любимых и обоих сраженных преждевременной смертью, что приводит к размышлению: любовь народа, кажется, приносит несчастье тем, кто ее удостоивается; их жизнь всегда оказывается короткой. Но на основании туманных слов, допускающих иное толкование, можно ли обвинять Августа в самом чудовищном преступлении – того, кто, как известно, горячо любил свою семью?

Что касается Ливии, Дион прямо упоминает о дурных слухах, ходивших о ней. Многие считали её причастной к смерти Марцелла, который стоял на пути её честолюбивых замыслов. Нельзя отрицать честолюбия этой женщины, ни её страстного стремления возвысить своих детей. Но разве честолюбие должно было довести её до преступления, которое, если бы раскрылось, погубило бы её навсегда? Знаменитые смерти всегда порождают подобные толки: и если наивно отказываться верить в зло, когда оно доказано, то верить ему на основании малейших подозрений – злонамеренность. Само время года, весьма неблагоприятное и губительное не только для Марцелла, но и для многих других, словно позаботилось оправдать Ливию.

Как только Марцелл умер, первым делом Августа было успокоить Агриппу, которого он удалил от себя с большой неохотой и который теперь стал ему нужнее, чем когда-либо. Можно полагать, что именно по этой причине он принёс своё завещание в сенат, чтобы огласить его перед собранием; и когда все сенаторы воспротивились этому, он по крайней мере пожелал, чтобы все знали: в завещании он не назначил себе преемника. Эта сдержанность делала его угодным народу, которому он оставлял право решать свою судьбу; но, кроме того, она доказывала его осторожность в отношении Агриппы, между которым и Марцеллом он не сделал выбора. Однако он не спешил его возвращать, возможно, чтобы не выставлять напоказ истинную причину его удаления и не признавать публично, что пожертвовал им ради подозрительности Марцелла.

Прошло уже восемь лет после битвы при Акции, и люди привыкли признавать за Августом законное право повелевать и повиноваться ему как верховному правителю республики. Поэтому консульство, которое он считал необходимым, пока его личная власть не была прочно установлена, теперь казалось ему излишним, и он решил отказаться от него, чтобы заслужить в глазах толпы славу умеренности.

Я говорю «в глазах толпы», ибо разумные люди не могли не видеть, что, слагая с себя консульство, но продолжая управлять, Август объявлял право власти присущим своей личности, независимо от звания, которое до сих пор означало у римлян высшую магистратуру.

Он, конечно, не собирался показывать это намерение. Он снимал с себя консульство, как бремя. Он хотел открыть доступ к этой должности большему числу граждан. Эти доводы не из тех, что не допускают возражений. Ему противились: его горячо убеждали позволить избрать себя консулом в двенадцатый раз. Но он уже принял решение и, чтобы избежать назойливых просьб, уехал в свой альбанский дом, откуда прислал отречение.

Оставалось ещё довершить срок его одиннадцатого консульства. Для этого он выбрал человека, чей выбор сделал ему честь. Это был Луций Сестий, бывший квестор Брута во время битвы при Филиппах, который всё ещё свято чтит память своего несчастного полководца, бережно храня его портрет и даже однажды показав его Августу, говоря о нём с особым почтением и при каждом случае выражая глубокое уважение и восхищение его доблестью. Справедливость императора, который, далёк от того, чтобы считать непоколебимую преданность памяти врага поводом для ненависти и мести, напротив, вознаградил её высшим достоинством, восхитила всех, особенно сенат, где ещё сохранялись симпатии к прежним защитникам республиканского правления.

Это побудило сенат с тем большей готовностью заменить оставленный Августом титул новыми полномочиями. Ему тогда предоставили, и он принял пожизненно, трибунскую власть,

которую ему уже не раз предлагали и от которой он всегда отказывался; проконсульскую власть за пределами городских стен, также навечно, без её утраты при входе в Рим и без необходимости возобновлять её при выезде; право вносить предложения на обсуждение в каждом заседании сената, даже если он не консул; наконец, верховную власть над всеми наместниками провинций, в которые он прибывал.

Он заслужил рвение, с которым сенат стремился к его славе и величию, своим собственным уважением к этому почтенному собранию. Ибо он не решал дела единолично. Он излагал свои планы, призывая всех сенаторов свободно высказывать советы и обещая прислушаться к ним. И это не были пустые слова. Нередко, после сделанных ему замечаний, он изменял уже объявленные решения.

Он привлекал сенат к участию в самых важных делах. Фраат через своих послов и Тиридат лично вновь обращались с просьбами вовлечь римлян в их распрю. Последний просил вернуть его с помощью римского оружия на парфянский престол, который он некогда занимал. Фраат же, ранее изгнанный Тиридатом, а затем восстановленный скифами, требовал выдачи своего врага как мятежного раба, а также возвращения своего сына, которого Тиридат увёл на римские земли. Август повелел Тиридату и послам Фраата явиться на заседание сената, и лишь после того, как дело было передано ему по сенатскому постановлению, он взялся за его решение.

Он не удовлетворил ни одну из сторон. Он вовсе не собирался начинать войну против парфян ради Тиридата, но и не считал возможным выдать просящего убежища князя, который искал защиты в его объятиях. Что касается сына Фраата, он согласился вернуть его отцу, но при условии, что Фраат, в свою очередь, передаст ему пленных и знамёна, оставшиеся у парфян после поражений Красса и Антония. Фраат не спешил выполнить это условие.

Консулами на следующий год были назначены М. Марцелл и Л. Аррунций. Последний верно служил Августу и в битве при Акции командовал левым флангом его флота.

М. Клавдий Марцелл Эзернин. – Л. Аррунций. 730 год от основания Рима. 22 г. до н. э.

Этот год и конец предыдущего были несчастливими для Рима и Италии. Город пострадал от разливов Тибра, а вся Италия была охвачена заразными болезнями, унесшими столько жизней, что земли оставались невозделанными. Таким образом, к двум первым бедствиям добавился ещё и голод.

Народ не просто приписывал эти несчастья гневу богов, но, будучи суеверным, пытался найти их причину и решил, что виной всему – отсутствие у Августа в этом году какой-либо магистратуры. Чтобы исправить это, ставшее источником бедствий, народ собрался и потребовал назначить его диктатором. Сенат заседал, когда мятежники ворвались в курию. Поскольку сенаторы, зная намерения императора, отказались поддержать их требования, толпа пришла в ярость и пригрозила поджечь здание, где проходило заседание. Пришлось уступить и провозгласить Августа диктатором. Тогда торжествующая толпа принесла двадцать четыре фасца новому диктатору. Однако Август твёрдо отказался от ненавистного титула, который не добавлял ему реальной власти. Вместо того чтобы подавить народный порыв силой, он прибег к мольбам: опустился на колени, разорвал одежду на груди и, обнажив горло, дал понять, что предпочтёт получить кинжал в сердце, чем принять диктатуру.

Тем не менее, чтобы хоть как-то успокоить народ, он согласился на должность надзирателя за продовольствием, которую ему предложили, – такую же, какую некогда занимал Помпей. Поскольку управление империей не позволяло ему вникать в детали, он распорядился, чтобы ежегодно избирались два бывших претора, которые под его руководством следили бы за достатком продовольствия в Риме и раздачей хлеба бедным гражданам.

Августу также предложили пожизненную цензуру, но, следуя своему принципу кажущейся скромности, он отказался от этого звания. Более того, он настоял на избрании цензорами Павла Эмилия Лепида и Луция Мунация Планка.

Дион отмечает, что первый из этих цензоров был когда-то проскрибирован (вероятно, вместе со своим отцом Луцием Павлом, братом триумвира Лепида), а второй был братом проскрибированного – Плотия, чья смерть упоминается в истории Республики.

Веллей сообщает более интересные подробности об их характере: их правление прошло в раздорах, не принеся ни им чести, ни государству пользы. Павел не обладал твёрдостью, подобающей цензору, а Планк – нравственностью: один не имел сил нести бремя такой должности, а другой боялся, что, упрекая молодых людей в безнравственности, услышит в ответ те же упреки в свой адрес, несмотря на преклонный возраст. Он был настолько неуважаем, что даже Луций Домиций, простой эдил, встретив его на улице, заставил цензора уступить ему дорогу.

Эдил был дерзок, но никогда цензор не заслуживал оскорбления больше. Планк, как уже отмечалось, сочетал позорные пороки с низкопоклонством самой бесстыдной лести. Он даже гордился этим и учил других: «Льстить надо не искусно, не тонко и не исподволь. Смелость во лжи пропадает даром, если её не замечают. Лучший льстец – тот, кого не уличают, особенно если его заставляют краснеть». Он хорошо знал людей, обычно неразборчивых в похвалах. Но превращать это правило в жизненный принцип – значит окончательно потерять стыд.

Эти двое стали последними частными лицами, совместно занимавшими должность цензоров. После них цензура либо исчезла из Республики, либо перешла к императорам, которые лишь в редких случаях делили её с кем-то ещё. Но даже без формального титула они обладали всей полнотой власти как надзиратели за нравами и законами.

Август в описываемое время использовал эту власть, чтобы компенсировать неспособность назначенных им цензоров. Он провёл ряд реформ для укрепления порядка и общественного спокойствия: ужесточил или вовсе запретил ремесленные гильдии, которые часто становились очагами мятежей; ограничил расходы на игры, установив максимальные суммы для преторов и выделив государственные субсидии; запретил магистратам устраивать гладиаторские бои без разрешения сената, чаще двух раз в год и более шестидесяти пар за раз (что показывает, насколько злоупотребления зашли). Он также запретил сенаторам, их сыновьям, всадникам и знатным женщинам позорно появляться на сцене, хотя раньше допускал это. Наконец, чтобы лишить честолюбцев повода для подражания Эгнатию Руфу, который прославился, туша пожары с помощью своих рабов, Август выделил курульным эдилам шестьсот государственных рабов для тушения огня.

Так он сочетал роль главы империи и реформатора с частной скромностью. Он лично участвовал в выборах, поддерживая своих кандидатов, и голосовал как простой гражданин. Он часто выступал свидетелем в судах, терпел допросы и даже резкие возражения.

Дион рассказывает случай этого года: некий Марк Прим, обвинённый в войне с одрисами во Фракии без приказа, ссылаясь на указания Августа. Тот явился в суд и заявил, что не давал таких приказов. Адвокат Прима, Лициний Мурина, грубо спросил: «Что ты здесь делаешь? Кто тебя позвал?» Август спокойно ответил: «Общественный интерес, который я не могу игнорировать». Хотя его мнение о Приме было ясно, многие судьи проголосовали за оправдание.

Он был верен в дружбе: навещал больных, приходил на свадьбы, совершеннолетия детей и другие семейные события. Лишь в старости он перестал, после того как его чуть не задавили в толпе на помолвке.

Он почти никогда не отказывался от приглашений на обед. Однажды, после скудного угощения, он лишь сказал хозяину на прощанье: «Я не думал, что мы так близки».

Если те, с кем он находился в дружеских отношениях, имели какое-либо дело, он ходатайствовал за них и присутствовал на суде. Он даже утруждал себя этим ради старого солдата, который говорил с ним с такой свободой, что любой другой счел бы себя оскорбленным. Этот солдат, имея тяжбу, пришел просить императора присутствовать при разбирательстве его дела. Август ответил, что слишком занят, и назвал одного из своих друзей, который должен был

присутствовать вместо него. «Цезарь, – возразил солдат, – когда нужно было сражаться за тебя, я не посылал заместителя, а рисковал собственной жизнью». Август вместо того, чтобы разгневаться, уступил столь резкому упреку и лично явился, чтобы своим присутствием показать заинтересованность в деле солдата.

Хотя он многое позволял своим друзьям, он не стремился возвышать их над законами или насилловать правосудие в их пользу. Нонний Аспренас, к которому он был очень привязан, был обвинен Кассием Севером в отравлении. Август обратился к сенату за советом, что ему делать, опасаясь, как он говорил, что если поддержит Нонния своей рекомендацией, то покажется, будто укрывает обвиняемого от строгости закона; а если не сделает этого, то даст повод думать, что бросает друга и заранее осуждает его своим молчанием. По совету сенаторов он избрал средний путь: присутствовал на суде, но хранил молчание, лишь своим присутствием выражая поддержку Ноннию. Однако даже этими мерами он не избежал упреков обвинителя – человека необузданного и несдержанного на язык, который горько жаловался, что присутствие императора спасает человека, достойного величайших наказаний.

Примеры его умеренности в отношении тех, кто проявлял к нему неуважение и нападал на него в речах или памфлетах, бесчисленны. Однажды, находясь в загородном доме, он был обеспокоен совой, которая каждую ночь издавала свои печальные крики, и выразил желание избавиться от нее. Солдату удалось поймать птицу живой, и он принес ее императору, надеясь на щедрую награду. Август приказал выдать ему тысячу сестерциев (сто двадцать пять ливров). Солдат, ожидавший гораздо большего, выпустил птицу, сказав: «Лучше пусть живет». И эта наглая выходка осталась безнаказанной.

Его мягкость проявлялась даже в более серьезных вопросах. Когда он готовился к одному из своих путешествий, сенатор по имени Руфус за столом сказал, что желает, чтобы император никогда не вернулся; шутя о множестве жертв, которые обычно приносились в благодарность за его возвращение после долгого отсутствия, он добавил, что все быки и телята разделяют его желание. Эти слова не пропали даром и были тщательно записаны некоторыми из присутствующих. На следующий день раб Руфа напомнил своему господину о том, что тот сказал накануне в пылу винных паров, и посоветовал ему предупредить императора и добровольно признаться. Руф последовал этому совету. Он поспешил во дворец, предстал перед Августом и сказал, что, должно быть, безумие полностью помutilо его разум. Он поклялся, что молил богов обратить его опрометчивое пожелание против него самого и его детей, и закончил просьбой к императору о прощении. Август согласился. «Цезарь, – добавил Руф, – никто не поверит, что ты вернул мне свою дружбу, если ты не одаришь меня». И он попросил сумму, которая не была бы малой даже для награды от Августа. Принцепс согласился, но с улыбкой добавил: «Ради собственного блага я впредь буду остерегаться гневаться на тебя».

Август не совсем игнорировал злобные нападки, направленные на его дискредитацию. Заботясь о своей репутации, он опровергал их либо речами в сенате, либо публичными заявлениями. Но он не знал, что такое месть, и придерживался на этот счет принципа, который я процитирую его собственными словами. Тиберий, чей характер был совсем иным, в письме убеждал его отомстить за оскорбление такого рода. Август ответил: «Мой дорогой Тиберий, не поддавайся пылкости твоих лет и не сердись так на тех, кто говорит обо мне плохо. Достаточно, чтобы нам не причиняли вреда».

Мы уже видели доказательство его милосердия и великодушия по отношению к памяти Брута, величайшего врага, которого он когда-либо имел. История дает нам еще один пример. Находясь в Медиолане (Милане), он заметил статую Брута – памятник благодарности народов Цизальпийской Галлии самому мягкому и справедливому из наместников. Он прошел мимо, затем остановился и, приняв суровый вид, упрекнул городских старейшин, окружавших его, в том, что они держат в своей среде его врага. Перепуганные галлы стали оправдываться и отрицать это. «Как же! – сказал он, обернувшись и указывая на статую Брута. – Разве это не враг

моей семьи и моего имени?» Затем, видя их замешательство и молчание, он улыбнулся и с доброжелательным видом похвалил их за верность друзьям, даже несчастным, и оставил статую стоять.

Он проявлял такую же справедливость ко всем защитникам древней римской свободы. Однажды кто-то, думая угодить ему, стал порицать Катона и обвинять этого строгого республиканца в неуступчивости. «Знайте, – сказал Август, – что тот, кто противится изменению нынешнего государственного строя, – хороший гражданин и честный человек». Эти слова, полные благородства и смысла, воздавали должное Катону и предотвращали дурные выводы, которые могли бы быть сделаны из его примера.

Вергилий и Гораций знали, что не рискуют потерять его благосклонность, восхваляя Катона в своих произведениях. Помпей был осыпан похвалами в «Истории» Тита Ливия, и Август лишь пошутил, назвав этого знаменитого писателя сторонником Помпея, но не уменьшил своей дружбы к нему.

Общительный и близкий к народу, он, естественно, проявлял большое уважение к сенаторам. Он освобождал их от стеснительных церемоний, не желая, чтобы они приходили за ним во дворец, чтобы сопровождать его на заседания сената. Он принимал их знаки внимания в самом сенате и в ответ приветствовал их при входе и выходе, называя по имени. Но его учтивость и мягкость проявлялись не только в отношении сенаторов и знатных особ. Он допускал к себе толпу, позволял обращаться к себе даже самым низким гражданам и принимал их прошения с такой добротой, что ободрял даже тех, кого робость делала слишком застенчивыми.

Он желал, чтобы каждый пользовался своими правами, и предпочел оставить более тесным то здание, которое возводил в Риме, нежели принуждать владельцев домов, необходимых для его расширения, уступить их ему.

Имя господина и владыки всегда было для него предметом ужаса, потому что оно относилось к понятию раба. Однажды, когда он присутствовал на комедии, в пьесе прозвучал полустихие, означавшее: «О добрый господин! О справедливый владыка!» – весь народ обратил эти слова к нему и, повернувшись к Августу, рукоплескал. Но он с видом и жестом, полными негодования, тут же отверг эту низкую лесть, а на следующий день сделал народу строгий выговор через эдикт, вывешенный на площади. С тех пор он даже своим детям и внукам не позволял называть его этим титулом – ни всерьез, ни в шуточной ласке – и запретил им употреблять между собой эти приторные излияния, которые начала вводить рабская угодливость.

Его преемники не были столь щепетильны. Дурные правители, за исключением Тиберия, не довольствуясь именем господина, присваивали себе даже имя бога; а добрые в конце концов допустили титул, который утвердился в обычае. Плиний во всех письмах к Траяну неизменно обращается к нему: «Господин» (*Domine*).

Если Август по политическим соображениям, о которых говорилось в другом месте, допускал, чтобы в провинциях ему воздавали божеские почести, он мало придавал этому значения и даже иногда обращал это в шутку. Когда таррагонцы сообщили ему как о счастливом и лестном предзнаменовании, что на алтаре, посвященном ему в их городе, выросла пальма, он, смеясь, ответил: «Я вижу, как усердно вы жжете на моем алтаре фимиам».

Из приведенных черт, некоторые из которых плохо вяжутся с верховным величием, видно, насколько верно наше утверждение о природе власти Августа. Ясно, что он сам не считал себя верховным владыкой и был лишь главой и первым магистратом республики.

Однако даже столь умеренное и справедливое правление не избежало заговоров: до того ненавистна сама по себе новизна в столь важном деле, и она никогда не обходится без опасностей для своих творцов. В течение его правления против Августа было составлено несколько заговоров. Тот, о котором мне предстоит говорить, поскольку он относится ко времени консульства Марцелла и Аррунция, возглавлялся Фаннием Цепионом, о котором нам больше ничего не известно, кроме того, что Веллей одним словом характеризует его как злого чело-

века, весьма способного на подобный замысел. Среди его сообщников история называет только Лициния Мурену, уже упоминавшегося в связи с судом над М. Примом, человека в целом не лишённого достоинств, но погубившего себя невоздержанностью языка и характера. Их злой умысел был раскрыт неким Кастрицием. Но Меценат, питавший слабость к своей жене Теренции, сестре Мурены, не смог удержать от нее секрет, и, получив через нее предупреждение, виновные бежали.

Их судили заочно. Тиберий, выступив обвинителем и преследуя их как оскорбителей величия, добился их осуждения, несмотря на отсутствие. Влияние Прокулея, весьма уважаемого Августом брата Мурены, известного своей братской любовью, не смогло вымолить снисхождения в деле, касающемся безопасности принцепса.

Римские законы назначали за самые тяжкие преступления лишь изгнание. Но военная власть императора лишила осужденных возможности воспользоваться чрезмерной снисходительностью законов: они были найдены в своих убежищах и казнены.

Впрочем, их преступление погубило только их самих. Философ Атений, друг Мурены, бежавший и схваченный вместе с ним, отделался лишь необходимостью оправдаться – и, доказав невиновность, остался в покое, вне всякого преследования.

Отец Цепиона по случаю смерти сына совершил примечательный акт правосудия, давший Августу случай проявить свою умеренность. Из двух рабов преступника один защищал господина от солдат, его хватавших, другой его предал. Отец даровал свободу верному рабу, а предателя велел распять, приказав вести его на казнь через площадь с надписью, изобличившей его вину. Август не выразил неудовольствия этим поступком: он извинил отцовскую любовь и не считал, что преступление сына должно лишать отца естественных чувств или права проявлять их.

Некоторые из судей высказались за оправдание обвиняемых. Не сказано, чтобы Август был им за это благодарен, но это дало ему повод установить полезное и разумное правило. Видно, что в римских судах не было твердого порядка судопроизводства против тех, кто, обвиняемый в преступлении, скрывался от суда, и даже отсутствие обвиняемого иногда считалось смягчающим обстоятельством. Это был злоупотребление, позволявшее преступникам ускользать от строгости правосудия. Август исправил его законом, повелевавшим, чтобы в подобных случаях судьи обязаны были высказываться устно, а не письменно, и все единогласно осуждали неявившегося обвиняемого.

Понятно, что в этом законе Август имел в виду себя самого, но мера была хороша и полезна сама по себе. Нельзя столь же оправдать его поступок в отношении Кастриция, через которого он узнал о заговоре Цепиона и Мурены. Когда этого человека впоследствии обвинили, Август явился на площадь и в присутствии судей так горячо вступился за него перед обвинителем, что убедил его отказаться от иска. Кастриций, оставшись без противной стороны, тем самым избавился от опасности.

Когда в Риме все успокоилось, Август предпринял большое путешествие, желая осмотреть восточную часть империи. Без сомнения, он хотел лично осуществить верховную власть, которая ему была вручена, и справедливо полагал, что присутствие принцепса поспособствует прочному утверждению порядка и спокойствия.

Но едва он прибыл в Сицилию, как был вынужден вновь обратить внимание на Рим, где вспыхнули волнения из-за выборов магистратов. Это была почти единственная часть государственной власти, оставленная народу, но он не мог разумно ею распоряжаться – явное доказательство необходимости единовластия. Толпа упорно желала оставить одну консульскую должность для Августа, а другую отдать Лоллию, считая выборы уже решёнными. Когда Август дал понять, что не намерен принимать консульство, начались новые беспорядки, вызванные двумя претендентами на освободившееся место – Квинтом Лепидом и Луцием Силаном. Мятеж разгорелся так сильно, что многие полагали: Августу следует вернуться в Рим, чтобы усмирить

его. Он предпочёл вызвать обоих соперников и после строгого выговора отослал их, запретив появляться на Марсовом поле во время народного собрания для выборов. Однако они продолжали интриговать через своих сторонников, и лишь после долгих беспорядков Квинт Лепид был, наконец, избран консулом.

М. Лоллий. Кв. Эмилий Лепид. 731 г. от основания Рима (21 г. до н. э.)

Это событие заставило Августа осознать необходимость иметь в Риме умного и авторитетного человека, способного поддерживать порядок в его отсутствие, и он воспользовался случаем, чтобы вернуть Агриппу. Более того, он решил возвысить его ещё больше, связав узами родства, выдав за него свою дочь, вдове Марцелла. К этому решению его склонил Меценат, который на вопрос об этом ответил буквально следующее: «Вы возвысили Агриппу настолько, что теперь вам остаётся либо убить его, либо выдать за него свою дочь». По свидетельству Плутарха, на решение Августа повлияла и Октавия, хотя её дочь Марцелла уже была замужем за Агриппой – она пожертвовала личными интересами ради блага империи. Агриппа был вызван, получил указания императора и поспешил в Рим, где, разведясь с Марцеллой (которая затем вышла за Юла Антония), заключил брак с Юлией – столь же блистательный, сколь и недостойный, столь же плодовитый, сколь и несчастливый.

Что касается спокойствия в Риме, Агриппа полностью оправдал ожидания императора. Его положение и достоинства внушали уважение, а таланты придавали ещё больший блеск его статусу. Под его твёрдым, но умеренным управлением всё было спокойно, и Рим почти не заметил отсутствия Августа.

Этот государь, по выражению Веллея, «приносил с собой повсюду благоденствие и имущества мира, им созданного», не забывая, однако, и о строгости, когда считал её необходимой. Но укрощение своеволия и наказание преступлений – важная часть порядка, который является плодом мира.

В Сицилии он даровал Сиракузам и нескольким другим городам права римских колоний. В Греции передал лакедемонянам остров Киферу в награду за гостеприимство, оказанное ими Ливии во время бегства в Перузинскую войну. Напротив, афиняне, которые раболепно льстили Антонию и Клеопатре, понесли наказание за свою вечную склонность к угодничеству: Август отнял у их небольшого государства остров Эгину и город Эретрию, а также запретил им, как это было в обычае, продавать право гражданства.

Затем он отправился зимовать на Самос, где принял послов царицы Эфиопии, о которых упоминалось ранее.

В Риме народ спокойно провёл выборы консулов Апулея и Силия.

М. Апулей. П. Силий Нерва. 732 г. от основания Рима (20 г. до н. э.)

Как только наступила весна, Август вновь отправился в путь, посетив собственно Азию и Вифинию. Хотя эти провинции, как и Греция, формально подчинялись народу, император всё же осуществлял там свою власть. Мы видели, что сенат предоставил ему верховные полномочия над всеми наместниками в любой провинции, куда бы он ни направился.

Повсюду он действовал как верховный арбитр: назначал наказания и награды, одним раздавал щедроты, других облагал налогами. Особенно благодетельствованы были жители Тралл, Лаодикии во Фригии, Фиатиры и Хиоса, сильно пострадавшие от ужасных землетрясений. Но кизикенцы лишились свободы – то есть права управляться по своим законам и через своих магистратов, – будучи подчинены назначенному префекту за то, что во время народного мятежа жестоко избили и даже казнили римских граждан. В Сирии он проявил такую же строгость к тирийцам и сидонянам, для которых свобода стала лишь поводом для мятежей и беспорядков.

Путешествие Августа в Сирию вызвало беспокойство у Фраата, который, видя римского императора так близко от своих владений, опасался, что его замыслом было развязать там войну. Он решил, что настало время выполнить условия договора, заключенного им в послед-

ний раз с Августом и, казалось, до сих пор полностью забытого. Он вернул римские знамена и пленных – несчастные остатки катастрофы Красса и бегства Антония. Тиберий получил почетное поручение принять их из рук послов парфянского царя.

Таким образом, Август стяжал славу, которую по справедливости предпочитал всем подвигам, достигнутым силой оружия. Действительно, было великим делом заставить единственную соперницу Рима, лишь одним страхом своего имени, воздать ему почести и признать себя – если не подданной, то по меньшей мере ниже его. Он имел право гордиться тем, что стер последние следы позора, который в течение сорока лет лежал на римском имени. Эта слава была предметом желаний диктатора Цезаря и Антония. То, что смерть помешала Цезарю совершить оружием, то, что так плохо удалось Антонию (ибо вместо того, чтобы смыть прежний позор, он усугубил его новым), Август достиг, не обнажая меча, а лишь явив себя. Этот подвиг был прославлен всеми возможными проявлениями общественной радости и восхищения: благодарственными молебствиями богам, овацией, дарованной Августу, триумфальной аркой, воздвигнутой в его честь, медалями, отчеканенными в память столь славного события. Август повелел, чтобы знамена, отнятые у парфян, были помещены в храме Марса Мстителя, который он построил как памятник победы при Филиппах; и по случаю этого всенародного отмщения, касавшегося всей нации, он подтвердил и укрепил прозвание «Мститель», данное им этому богу в память личного мщения, совершенного им над убийцами Цезаря.

После этого неудивительно, что великие поэты, жившие при Августе, наперебой старались увековечить в своих песнях то, что было предметом столь трогательной для их государя славы. Гораций посвятил этому великолепную оду, а в разных местах своих сочинений он, как и Вергилий, Овидий и Проперций, не упускал случая напомнить об этом.

Фраат предпринял еще один шаг в отношении Августа, который казался даже более покорным, чем возвращение знамен и пленных. Он отдал ему в качестве заложников своих четырех сыновей с их женами и детьми. Однако, поступая так, он руководствовался не столько желанием выразить почтение римскому величию, сколько заботой о собственной безопасности. Ненавидимый и презираемый подданными – и справедливо, за свои жестокости, – он видел в своих детях соперников и постоянно боялся, как бы парфяне не пожелали возложить его корону на голову кого-нибудь из них. Но если удалить их, то, зная привязанность своего народа к крови Арсакидов, он мог не опасаться никакого переворота. Эти принцы жили в Риме с царской роскошью, и при Тиберии мы увидим, как некоторые из них вновь появятся на сцене, оспаривая парфянский престол.

В пределах империи находилось несколько князей и народов, не подвластных, но союзных римлянам, которые владели своими небольшими владениями под защитой этих повелителей вселенной. Август, движимый духом справедливости и мира, не стремился уничтожить эти слабые государства, неспособные внушить ему опасения. Он позволил им управляться по своим законам. В царствах он обычно допускал наследование детей после отцов, но не позволял им расширять свои владения, разве что по его милости. Так, Ирод получил от него в дар небольшую область некоего Зенодора, объявившего себя непримиримым врагом иудейского царя; а этот князь, с нечестием тем более непростительным, что он знал истинного Бога, построил храм своему благодетелю в только что приобретенной земле. Несколькими годами ранее Юба, супруг Клеопатры, дочери Антония, был щедро наделен большей частью Мавритании. Напротив, когда умер Аминта, царь галатов, Август по какой-то причине, не указанной историками, не позволил его детям наследовать ему и обратил Галатию в римскую провинцию.

Армения, царство гораздо более славное и могущественное, чем те, о которых я говорил, но и менее зависимое от римлян, тем не менее получила царя из рук Августа после мира, заключенного и скрепленного с Фраатом.

Артаксий, сын низложенного и убитого Антонием Артабаза, царствовал тогда в Армении. Будучи врагом римлян, он держался лишь силой парфянского царя. Когда же эта опора

исчезла вследствие примирения Фраата с Августом, против него поднялись смуты и мятежи, и многие вельможи его царства просили в цари его брата Тиграна, находившегося тогда в Риме, куда он был доставлен из Александрии, где был пленником после смерти Антония. Августу было бы легко воспользоваться этими раздорами, чтобы завладеть Арменией. Но он не знал жажды завоеваний и хотел лишь дать армянам царя, дружественного Риму. Однако, поскольку для успеха, казалось, потребуется применить военную силу, Тиберию было поручено это дело. Но события приняли иной оборот, и война не понадобилась. Артаксий был убит своими близкими, и Тиберию оставалось лишь возвести Тиграна на опустевший престол. Армянский князь, однако, недолго пользовался этим даром судьбы.

Хотя возведение Тиграна на армянский престол и не было военным подвигом, тем не менее этим воспользовались, чтобы от имени Тиберия назначить торжественные благодарственные молебствия богам. Эта первая военная честь воодушевила молодого пасынка Августа, уже питавшего высокие надежды благодаря мнимому чуду, о котором с особым тщанием повествуют Светоний и Дион. Они рассказывают, что когда он проходил через равнины Филипп, огонь сам собой возгорелся на алтаре, некогда посвященном там победоносными легионами. Но гораздо более верным предзнаменованием было честолюбие его матери и влияние, которое она имела на Августа. Тогда она добилась для сына командования в Сирии и всех восточных провинциях, которые Август оставил под его началом, возвращаясь на Самос.

Но в том же году надеждам Ливии и Тиберия был нанесен удар рождением сына у Агриппы и Юлии, названного Гаем. Это рождение было отпраздновано всенародным ликованием и установлением ежегодного праздника. Август провел на Самосе вторую зиму и, чтобы жители острова почувствовали его пребывание среди них, даровал им свободу и право жить по своим законам. Там он принял знаменитое посольство от индийских царей Пандиона и Пора. Весь мир воздавал хвалу его величию. Даже самые дикие народы – скифы и сарматы – искали его дружбы. Но ничто не могло сравниться в этом роде с посольством индийцев, о котором я говорю. Оно прибыло, чтобы заключить договор о союзе, уже намеченный другими послами, которые несколькими годами ранее явились к Августу в Таррагону в Испании. Те, кто пришел на Самос, из-за смерти многих своих спутников, которых, по их словам, скопилось четырехлетнее путешествие, сократились до трех человек. Они поднесли Августу письмо, написанное Пором по-гречески, в котором он, следуя напыщенному стилю восточных государей, хвастался, что повелевает шестьюстами царями, и тем не менее выражал бесконечное уважение к дружбе Августа, обещая ему свободный проход через свои земли и помощь во всем законном и разумном.

Они привезли дары, которые велели нести или нести на аудиенции у императора восьми рабам, обнаженным выше пояса и умащенным благовониями.

Эти дары состояли из жемчуга, драгоценных камней, слонов, а также различных диковинок, способных вызвать восхищение: человек без рук, который натягивал лук ногами, пускал стрелу, подносил ко рту трубу и играл на ней, выполняя почти все действия, которые мы делаем руками; тигры – животные, которых римляне, а по мнению Диона, и греки, никогда не видели; огромные гадюки; змея длиной в десять локтей; речная черепаха длиной в три локтя и куропатка крупнее грифа.

С индийскими послами прибыл и философ той же страны, который повторил перед Августом тот же спектакль безумной и неистовой тщеславности, что когда-то Калан явил Александру. Он отправился с императором в Афины и там, добившись посвящения в мистерии Цересы, хотя срок для этого обряда уже миновал, объявил, что, наслаждаясь до сих пор неизменным благополучием, не желает подвергаться непостоянству человеческих дел и капризам судьбы, а потому намерен предупредить их добровольной смертью. Он велел соорудить костер, на который взошел обнаженным, умастив себя маслом, и с прыжком, сопровождаемым смехом – без сомнения, натянутым, – сгорел в пламени, унося с собой удовлетворение от того,

что купил ценой своей жизни восхищение толпы и презрение разумных людей. На его могиле поместили эпитафию следующего содержания:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ЗАРМАНОЧЕГАС, ИНДИЕЦ ИЗ БАРГОСЫ, КОТОРЫЙ, СОГЛАСНО ДРЕВНЕМУ ОБЫЧАЮ СВОЕГО НАРОДА, САМ СЕБЕ ПРЕДОПРЕДЕЛИЛ СМЕРТЬ.

Примечания:

[1] Таким образом, Сенат завуалированно, в выражениях, лишённых всякой неприглядности, описал насильственное вторжение Октавиана в Рим после снятия осады с Модены. Тогда, разгневанный на Сенат, он обратил против отечества оружие, вручённое ему для войны с Антонием. Это событие, столь пагубное для Рима, оказалось удачным для Октавиана. Оно стало началом его власти.

[2] СВЕТОНИЙ, «Август», 66.

[3] «Римская история», кн. XVIII, 2.

[4] Иврея.

[5] Среди народов, перечисленных там как покорённые римским оружием, есть те, кто был побеждён лишь в 737 году [от основания Рима], а именно камуны и веннеты – П. Силичем, бреуны и генауны – Друзом. Кроме того, в той же надписи Августу присваивается титул великого понтифика, который он получил только в 739 году, двенадцать лет спустя после рассматриваемого сейчас года.

[6] Согласно Орозию, эта гора возвышается над Миньо.

[7] «Так астуры, ища богатства у других, начали осознавать свои собственные сокровища, скрытые в глубинах» (ФЛОР, IV, 12).

[8] «Сенат счёл это событие достойным лавров и триумфальной колесницы, но Цезарь уже был столь велик, что мог пренебречь триумфами» (ФЛОР, IV, 12).

[9] ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, II, 90.

[10] ГОРАЦИЙ, «Оды», I, 29.

[11] Сиена – город на Ниле, почти под тропиком Рака. Элефантина и Филы находились недалеко от неё.

[12] ПЛИНИЙ, XIX, 1.

[13] СЕНЕКА, «Утешение к Марции», гл. 2.

[14] ВЕРГИЛИЙ, «Энеида», VI, 869.

[15] ПЛИНИЙ, VII, 45.

[16] ТАЦИТ, «Анналы», II, 41.

[17] «Римская история», кн. 52.

[18] ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, II, 95.

[19] СЕНЕКА, «Естественные вопросы», IV, 1.

[20] СВЕТОНИЙ, «Август», гл. 51.

[21] МАКРОБИЙ, «Сатурналии», II, 4.

[22] ВЕРГИЛИЙ, «Энеида», VIII, 670. – ГОРАЦИЙ, «Оды», II, 1.

[23] ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, II, 91.

[24] ГОРАЦИЙ, «Оды», II, 2.

[25] Эпизод с обвинением Сфения, описанный в «Римской истории», кн. XXXV, §3, по-видимому, подтверждает эту мысль.

[26] ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, II, 93.

[27] ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, II, 92.

[28] ОВИДИЙ, «Фасты», V, ст. 595.

[29] ГОРАЦИЙ, «Оды», III, 5.

[30] Место это неизвестно. Если оно идентично Баригазе, упомянутой Птолемеем, то его можно локализовать где-то в районе Камбейского залива.

§ III. Август – главный смотритель дорог

Пока Август отсутствовал в Риме, сенат назначил его главным смотрителем, или надзирателем за дорогами Италии. Он исполнял обязанности этой должности через двух бывших преторов, которых назначил своими заместителями в этом деле. Под его руководством они установили знаменитый золотой мильный столб – колонну, расположенную у начала или входа на форум, от которой отсчитывались все главные дороги империи, измерявшиеся, как известно, милями.

Август приближался к Риму, и его возвращение было как нельзя более своевременным. Агриппа, как только разобрался с самыми неотложными делами в городе, отправился в Галлию, где вспыхнули волнения, а оттуда – в Испанию, чтобы окончательно усмирить вновь восставших кантабров. Поскольку в Риме не оставалось авторитетного правителя, способного поддерживать порядок, волнения возобновились во время выборов консулов. Народ упорно желал видеть Августа консулом и избрал лишь одного – Сентия Сатурнина. Тот вступил в должность единолично 1 января.

Г. Сентий Сатурнин. 733 год от основания Рима. 19 год до н. э.

Сентий обладал мужеством и твердостью и, будучи единственным носителем консульской власти, выдерживал этот груз с достоинством, достойным времен республики. Он раскрыл и наказал финансовые махинации и вернул в казну похищенные суммы. Но особенно он проявил себя как великий магистрат при назначении на должности. Он отстранил недостойных кандидатов, претендовавших на квестуру, запретив им участвовать в выборах и пригрозив, что если они осмелятся появиться на Марсовом поле, то почувствуют на себе всю власть консула.

Его твердость особенно понадобилась, когда пришло время избирать его коллегу. Поскольку Август продолжал отказываться, на выдвижение решился Эгнатий Руф – тот самый дерзкий юнец, чьи выходки уже упоминались. Опираясь на народную любовь (ведь он перешел прямо от эдилитета к претуре, минуя промежуточные ступени), он надеялся захватить консульство вопреки воле императора, чтобы затем использовать эту должность для подрыва республики. Сентий приказал ему отступить, но Эгнатий не подчинился, и дело дошло до мятежа, в ходе которого пролилась кровь и погибли люди. Сенат хотел выделить консулу охрану, но Сентий, полный мужества, заявил, что законной власти ему достаточно, и даже если Эгнатий получит большинство голосов, он не признает его избрания.

Однако буря была слишком сильной, и Сентий не мог справиться с ней в одиночку. Пришлось обратиться к Августу, и сенат отправил к нему двух послов. На этот раз император не стал придерживаться прежней осторожности, проявленной два года назад. Он лишил народ права избирать консула и взял это право на себя. Выбрав одного из сенатских послов, Квинта Лукреция (когда-то подвергшегося проскрипциям), он отправил его в Рим в качестве назначенного консула, а вскоре и сам прибыл в город.

Г. Сентий Сатурнин – Кв. Лукреций. 735 год от основания Рима. 19 год до н. э.

При его приближении сенат поспешил удостоить его всевозможных почестей в благодарности за мудрые решения, принятые им в провинциях, через которые он проезжал. Из всех предложенных почестей он принял лишь алтарь, посвященный Фортуне Возвращения, и ежегодное празднество в день его прибытия. Ему хотели устроить торжественную встречу за городскими воротами, и все сословия уже готовились к этому. Но, не любивший пышности и желавший избавить граждан от хлопот и усталости, он въехал в город ночью, как обычно делал в подобных случаях.

На следующий день, явившись в сенат, он попросил для Тиберия (оставшегося в Сирии) знаки отличия претора (ведь уже вошло в обычай отделять привилегии и украшения должно-

стей от самих должностей), а для Друза, брата Тиберия, – ту же льготу, что была дана старшему, то есть право занимать магистратуры на пять лет раньше положенного законом возраста.

До сих пор он лишь намечал первые контуры реформ, которые планировал провести в государстве. Беспорядки, порожденные гражданскими войнами, были слишком укоренившимися, чтобы их можно было искоренить сразу. Резкие меры могли лишь усугубить ситуацию. Тогда он решил возобновить начатое дело: с этой целью он продлил на пять лет свои полномочия по надзору за нравами и законами, а также получил пожизненную консульскую власть со всеми привилегиями, включая первенство перед действующими консулами. Таким образом, не будучи ни консулом, ни цензором, он фактически обладал всеми правами этих высоких должностей. Чтобы облегчить ему их исполнение, сенаторы готовы были заранее присягнуть в соблюдении всех законов, которые он установит. Однако он освободил их от этой присяги, полагая, что если законы окажутся разумными, они и так будут их соблюдать, а если нет – никакая клятва не удержит их от неповиновения.

Агриппа был незаменимой опорой в задуманном им важном деле. Но этот великий человек, одинаково искусный и в войне, и в мирных делах, был занят усмирением кантабров, доставивших ему немало хлопот. Тем не менее он справился с ними – не только благодаря храбрости и тактическому мастерству, но и благодаря строгой дисциплине в войсках. Римские солдаты, уставшие и деморализованные, неохотно сражались против неукротимых варваров, действовали вяло и понесли несколько поражений. Агриппа наказал виновных лишением чести, отнял у легиона, полностью провалившего свою задачу, почетное имя «Августов», и в конце концов, заставив войска бояться своего командира больше, чем врага, полностью подчинил кантабров. Вытеснив их с гор на равнину, он настолько их укротил, что с тех пор они больше не восставали и покорно терпели римское владычество.

Этот подвиг был велик и заслуживал самых блестящих наград. Но Агриппа, столь же искусный царедворец, сколь и великий полководец, всегда стремившийся оставаться в рамках простого легата, который должен все приписывать своему начальнику, написал донесение о своих успехах не сенату, а императору и отказался от триумфа, который ему был назначен.

Не все военачальники отличались подобной скромностью; многие добивались и получали триумф за взятие ничтожных крепостей или за подавление набегов жалких разбойников. Ибо Август, как уже отмечалось, был щедр на военные почести; по свидетельству Светония, он даровал триумф более чем тридцати полководцам. Однако несомненно, что Агриппа, отказываясь от триумфа, следовал тайным намерениям принцепса, которые знал лучше других, как это станет ясно впоследствии.

Несправедливо было бы причислять Л. Бальба к тем, кто получил триумф за ничтожные заслуги. Он победил гарамантов, африканский народ, до того не знавший римского оружия, и во время его триумфа шествовала длинная вереница варварских имен – покоренных им народов, городов и гор, дотоле неизвестных. Сам триумфатор представлял собой необычное зрелище. Уроженец Кадиса, получивший римское гражданство лишь благодаря милости Помпея, он остался единственным природным иностранцем, справлявшим триумф в Риме. Однако его дядя, достигший консульства раньше него, проложил ему путь.

Год, события которого я только что изложил, можно считать роковым для поэзии и литературы, ибо он унес Вергилия, не дав ему времени завершить «Энеиду». Поэт отправился в Грецию, чтобы в спокойствии закончить свою поэму и довести ее до состояния, которое полностью бы его удовлетворило. Когда Август в то же время прибыл в Афины, Вергилий явился к нему с приветствием и, по-видимому, по настоянию императора решил вернуться с ним в Италию. Он взошел на корабль уже больным, плавание усугубило его недуг, и вскоре после прибытия в Брундизий он скончался, немного пережив пятидесятилетний возраст.

Его эпитафия, сочиненная им самим (если верить автору его жизнеописания), в двух стихах содержит указание на его рождение, смерть, место погребения и перечень его трудов:

Мантуя меня породила, Брундизий прервал мой путь,
Праха мой покоится в Неаполе. Я воспевал
Пастухов, нивы, героев.

Говорят, что перед смертью он хотел сжечь «Энеиду» и распорядился об этом в завещании. Его представление о совершенстве было столь высоким, что поэма, всегда восхищавшая как одно из величайших творений человеческого гения, казалась ему недостойной остаться в потомстве. Август, несмотря на уважение к последней воле завещателя, воспрепятствовал исполнению этого сурового распоряжения, и таким образом произведение получило одобрение более почетное, чем то, которое дал бы ему сам автор. Варий и Тукка, оба знаменитые поэты и друзья Вергилия, были назначены императором для редактирования «Энеиды», причем им позволили делать сокращения, но не добавления.

Вергилий назначил своими наследниками Августа, Мecenата и своего единокровного брата. Включение принцепса в завещание было способом выразить ему почтение, и он ценил это со стороны тех, кого считал друзьями. Этот обычай сохранился при последующих императорах и стал частью всеобщей угодливости.

П. Корнелий Лентул – Гн. Корнелий Лентул. 734 год от основания Рима, 18 год до н. э.

Агриппа, вернувшись в Рим после похода против кантабров, получил награду за свою скромность. Отказавшись от триумфа, он стал коллегой Августа по трибунской власти, которая была ему дарована на пять лет. Этот титул был одним из существенных атрибутов верховной власти; и если Агриппа получил его лишь на пять лет, то Август, принявший на десять лет (как уже говорилось) командование войсками и управление провинциями и видевший, что этот срок истекает, также добился продления своих полномочий лишь на пять лет. Таким образом, он обращался с Агриппой почти так же, как с самим собой, желая создать впечатление, что по истечении пяти лет они оба вернут республике власть, полученную от нее.

Приняв предосторожность, связав Агриппу с собой трибунской властью и показав тем самым, что мститель готов покарать любого, кто посягнет на его жизнь, Август приступил к реформам, начав с сената, который, несмотря на предыдущие чистки, все еще включал множество лиц, мало достойных чести принадлежать к этому собранию. Ибо этот принцепс был недоволен не только теми, чья дерзость вызывала у него подозрения: низкопоклонство было ему столь же ненавистно, не говоря уже о дурных нравах и недостойном происхождении. Он также считал, что это собрание в целом слишком многочисленно, и желал бы сократить его до древнего числа – трехсот. Он говорил, что сочтет себя счастливым, если Рим и Италия смогут дать триста достойных членов для общественного совета империи. Но, видя, что столь значительное сокращение чрезвычайно тревожит сенаторов, он счел нужным остановиться на шестистах – числе, соответствовавшем лучшим временам республики.

Когда его план был готов, он избрал для его исполнения путь, мало его обязывающий, и, по примеру того, что иногда практиковалось в армии, решил предоставить самим сенаторам выбор своих коллег. Сначала он назначил тридцать человек, отобранных им лично под присягой из числа самых достойных. Эти тридцать, связанные такой же клятвой, должны были выбрать каждый по пять человек, не состоявших с ними в родстве, и жребий решал, кто из пятерых останется сенатором. Затем вновь избранные тридцать повторяли ту же процедуру, пока число сенаторов не достигало шестисот. Однако возникли злоупотребления и затруднения, которые отвратили Августа от этой, казалось бы, выгодной системы и помешали довести ее до конца.

«Так, например, он получил оскорбление от Антистия Лабееона, который поставил Лепида, бывшего триумвира, во главе пяти избранных им сенаторов. Август пришел в ярость по этому поводу и даже обвинил Лабееона в клятвопреступлении, гневно спросив, неужели тот, согласно своей присяге, не знал более достойных. Лабееон спокойно ответил, что у каждого свой образ мыслей: «В конце концов, – добавил он, – в чем вы можете меня упрекнуть, если я считаю

достойным места в сенате того, кому вы позволяете обладать саном верховного понтифика?» Этот ответ заставил Августа замолчать, но легко догадаться, что он его не удовлетворил.

Лабеон обладал республиканским духом, унаследованным от отца, который, сражаясь на равнинах Филипп за свободу, увидев поражение, приказал убить себя рабу. Сын, воспитанный в тех же принципах, всегда сохранял большую гордость. Когда Август выразил беспокойство из-за множества недовольных после пересмотра списка сенаторов, кто-то предложил, чтобы сенаторы несли охрану вокруг его особы. «Я соня, – резко ответил Лабеон, – я плохо справлюсь с этой обязанностью».

Понятно, что такие черты характера, проявляемые во всем поведении, не способствовали обретению милости принцепса. И хотя Лабеон был человеком больших заслуг и выдающимся юристом, он так и не смог достичь консульства. Август же, напротив, осыпал почестями Атея Капитона, соперника Лабеона в юриспруденции, но умевшего лучше приспособиться к духу времени.

Поскольку метод передачи выбора членов сената на усмотрение самих сенаторов не оправдал надежд Августа, он взял завершение этой работы на себя, с помощью Агриппы, и назначил на оставшиеся вакантные места. Но, несмотря на всю тщательность, ему не удалось избежать справедливых поводов для недовольства. Ливиней Регул публично жаловался в сенате на свое исключение, в то время как его сын и другие, которым он себя ничуть не уступал, были допущены. Он перечислил свои военные кампании и в indignation разорвал тогу, показывая почетные шрамы от ран, полученных в боях. Аврункулей Пэт просил разрешения уступить свое место отцу, исключенному из списка. После этих и подобных заявлений Август пересмотрел свой список и внес некоторые изменения.

Эта уступчивость поощрила многих к новым жалобам в надежде на такой же успех. Но дела должны быть завершены: Август сохранил почетные привилегии senatorского звания за теми, чьи претензии казались обоснованными, и разрешил им добиваться должностей для возвращения в сенат. Некоторые воспользовались этой возможностью, примеры чего не были редкими при республиканском правлении. Остальные провели жизнь в положении, среднем между senatorским и обычным гражданским статусом.

Во всей этой операции Августа по отношению к сенату нет ничего, кроме похвального. Но нельзя сказать того же о его обращении с Лепидом. Этот низложенный триумвир добровольно оставался в деревне, стараясь скрыть позор своего падения. Август, видимо, раздраженный тем, что его вопреки воле сохранили в сенате, заставил его приехать в город и присутствовать в сенате, где тот терпел унижения; принцепс нарочно спрашивал его мнение последним среди всех консуляров. В этой мести было что-то мелкое. Гораздо больше подобало бы владыке мира позволить своему врагу, от которого ему уже ничего не грозило, доживать в obscurity, которую тот сам для себя избрал.

Многие из недовольных подозревались в злоумышлениях против Августа и Агриппы. Вероятно, к этому времени относится заговор Эгнатия Руфа, достойное завершение всех безумных предприятий, которыми он прославил свою дерзость. Он был раскрыт и казнен вместе с сообщниками. Таков рассказ Веллея. Дион, не называя Эгнатия, но, видимо, говоря о том же событии, не высказывается определенно о реальности или ложности обвинения. Он замечает, что частным лицам трудно проникать в такие государственные тайны, и ручается только за факты, известные публично.

Среди тех, кому Август сохранил или пожаловал senatorское звание, многие не обладали имуществом, требуемым для этого достоинства по древним законам. Гражданские войны разорили множество семей, особенно знатнейших, которые, возглавляя factions, всегда больше страдают от последующих бедствий. Август учел это всеобщее неудобство и сначала снизил требуемую сумму наполовину – до 400 тысяч сестерциев. Позже, по мере восстановления благосостояния граждан благодаря миру и спокойствию, он приблизился к прежней норме и даже

превысил ее: вместо 800 тысяч сестерциев он потребовал, чтобы каждый сенатор обладал миллионом, а затем и 1,2 миллиона.

Эти правила были мудры. Общепринятым представлениям соответствует, когда достоинства подкрепляются богатством. Но чтобы бедность не исключала из сената людей, обладающих всеми прочими качествами для чести собрания и службы республике, Август всегда помогал таким лицам, восполняя своими щедротами недостаток их состояния.»

После важной и сложной реформы сената император обратил внимание на некоторые распространенные злоупотребления, которые попытался искоренить с помощью мудрых законов.

Борьба с подкупом

Во времена поздней Республики подкуп (bribery) свирепствовал и считался одной из главных причин раздоров, приведших к гибели свободы. Перемена в государственном устройстве значительно ослабила его, а власть принцепса, столь сильно влиявшая на распределение должностей, избавляла от необходимости покупать голоса граждан. Однако по старой привычке подкуп все еще практиковался, хоть и втихомолку. Поскольку зло уже не было столь велико, не потребовалось и столь суровых мер. Август издал по этому поводу закон гораздо мягче прежних, ограничившись тем, что виновные в подкупе при выборах на должности лишались права занимать их в течение пяти лет.

Нравственный упадок

Гораздо труднее было искоренить такие пороки, как распушенность нравов, участившиеся случаи прелюбодеяния, скандальное безбрачие – плод роскоши и источник разврата. Эти бедствия проникли в Рим вместе с процветанием и богатством, а разнообразные общественные потрясения способствовали их росту. Они воспользовались вседозволенностью военного времени, чтобы проявиться с большей дерзостью, а мирная жизнь, вернувшая изобилие, дала им самую благодатную почву.

Все жаловались на это, даже те, чья мораль была далека от строгости. «Наш век, – говорит Гораций, – век, изобилующий преступлениями, начался с осквернения священного союза брака, рождения граждан, чести семей. Из этого отравленного источника хлынул поток зол, затопивший народ. Юные девы охотно учатся непристойным и распутным танцам; они осваивают опасное искусство нравиться и с малых лет уже замышляют незаконные связи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.